НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БЕЛИНСКОГО

I. РЕЦЕНЗИИ В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ» И «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»

Публикация Л. Ланского

«Белинский <...> редко подписывал под статьями свою фамилию, и теперь, при издании его сочинений, оказалось, что даже литераторы не могли наверное указать всех статей, им писанных».

Н. А. Добролюбов. Соч. В. Белинского.—«Современник», 1859, № 4, стр. 216.

Выявление неизвестных работ Белинского, затерянных на страницах газет и журналов 1830—1840-х годов, не может считаться окончательно завершенным. Особенного внимания, в этом отношении, заслуживают «Отечественные записки» и «Литературная газета» — органы, в которых Белинский сотрудничал с исключительной интенсивностью в продолжение многих лет и почти всегда анонимно. Изучение библиографического отдела этих изданий позволило нам обнаружить ряд статей и рецензий, принадлежащих перу Белинского и не вошедших ни в одно из собраний его сочинений.

Все публикуемые нами рецензии относятся к началу петербургского периода деятельности критика. Двумя из них, открывающими нашу публикацию, Белинский дебютировал на страницах «Отечественных записок» в августе 1839 г., четыре помещены в том же журнале в продолжение 1840—42 гг. Особую группу составляют тринадцать рецензий, перепечатываемых нами из «Литературной газеты» 1840 г.

Как известно, еще в начале 1837 г., в ответ на предложение А. А. Краевского, редактора «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» (так до 1840 г. называлась «Литературная газета»), сотрудничать в его издании, — Белинский писал, что охотно возьмет на себя разбор всех литературных произведений («Письма», I, 65). Незадолго до окончательного переезда в Петербург, в письмах к Краевскому, критик снова выразил желание работать для «Литературных прибавлений»: «По приезде в Петербург, я желал бы принять подеятельнее участие в „Литературных прибавлениях“, чтобы способствовать их оживлению, а теперь готов делать, что́ можно делать, находясь в Москве <...> „Отечественные записки“ и „Литературные прибавления“ — наше общее дело: отныне я их и душою и телом, их интересы — мои интересы. По приезде в Питер докажу вам это на деле» («Письма», I, 319—320, 322).

Несмотря на столь определенные заявления самого Белинского, участие критика в «Литературной газете» долго не привлекало к себе внимания исследователей. Лишь в последнее время началось систематическое изучение «Литературной газеты», в результате которого, главным образом трудами В. С. Спиридонова, в XIII том Полного собрания сочинений Белинского и в подборку новых текстов критика в предыдущем томе «Литературного наследства» (т. 55, 1948) были введены двадцать две статьи и

рецензии, обнаруженные на страницах «Литературной газеты». Настоящая работа продолжает эти исследования.

Библиографический отдел первого номера «Литературной газеты» за 1840 г. открылся пространной рецензией Белинского на альманах «Утренняя заря». Критик подробно изложил в ней программу реорганизованного издания. «„Отечественные записки“ и „Литературная газета“,—писал он,—находясь под одною редакциею, само собой разумеется, должны быть проникнуты одним духом, запечатлены одним характером; из сего, конечно, никто не станет заключать, что в этих двух изданиях содержание будет одинаково и что газета сделается повторением журнала; напротив, повторения между тем и другим не только не встретится, но скорее может встретиться иногда видимое несогласие, но не противоречие 〈...〉 Отделение критики, само собой разумеется, в газете не может быть обширно 〈...〉 Зато отделение русской библиографии постараемся сделать как можно полнее; известия о книгах в „Литературной газете“ не будут пространны, но верны и отчетливы. Сверх того, в каждом №, после библиографических статей, будем мы исчислять вышедшие в течение двух-трех последних дней новые книги и журналы, выписывая только названия их. Само собою разумеется, что ко многим из этих книг мы впоследствии будем обращаться, а о других—этого простого извещения будет достаточно» (XIII, 33). В соответствии с этой программой, «Литературная газета» в своих литературно-критических оценках полностью ориентировалась на «Отечественные записки», всячески подчеркивая единство направления с этим журналом.

Большинство петербургских изданий беллетристического характера в «Отечественных записках» рецензировалось самим Белинским, обязавшимся, еще до переезда в Петербург, аккуратно поставлять в каждую книжку журнала от двух до десяти листов рецензий: «критика своим чередом, смесь тоже» («Письма», I, 311). Заметим здесь, кстати, что изучение отдела «Смесь» в журналах, участником которых был Белинский, несомненно, позволило бы выявить немало новых текстов критика, если и не первостепенной важности, то, во всяком случае, не лишенных значительности и интереса. Когда дело идет о Белинском, «мелочей нет, а все, в чем видно даже простое его мнение о чем бы то ни было, важно и любопытно» (VI, 274). Эти строки, написанные Белинским по поводу мелких статей Пушкина, целиком применимы и к самому критику.

Составление несколько «облегченных» рецензий для «Литературной газеты» на книги, уже разбиравшиеся им в «Отечественных записках», неизбежно должен был взять на себя Белинский. Шаткое финансовое положение «Отечественных записок» и «Литературной газеты» в первые годы их издания заставляло Краевского всеми мерами добиваться сокращения расходов. В этих условиях он едва ли привлекал новых рецензентов к составлению отзывов на книги, уже разбиравшиеся Белинским. Редакторская работа по «сближению» и «согласованию» рецензий в «Литературной газете» с отзывами в «Отечественных записках» становилась в этом случае ненужной. Отпадала также необходимость вторичного просмотра рецензируемых книг, что давало редактору немаловажную экономию во времени и в средствах. Эти соображения находят себе подтверждение в конкретных результатах работы по изучению параллельных с «Отечественными записками» рецензий в «Литературной газете». Некоторые из подобных рецензий уже включены В. С. Спиридоновым в XIII том Полного собрания сочинений критика.

Постепенное охлаждение Белинского к «Литературной газете» и переход ее с осени 1840 г. под редакцию Ф. А. Кони ощутительно сказались на характере библиографического отдела издания. В нем все реже стали появляться рецензии с типичными для Белинского признаками, иногда совсем исчезая на продолжительное время. Это обстоятельство также подтверждает, хотя и косвенно, устанавливаемый нами факт более активного, чем до сих пор было известно, участия Белинского в «Литературной газете» Краевского.

Своего рода «параллелизм» некоторых публикуемых нами рецензий Белинского с уже известными отзывами критика не лишает вновь открытые тексты самостоятельного значения и интереса. Это не простые повторения или сокращения уже известных

рецензий, а законченные литературно-критические миниатюры, насыщенные оригинальными характеристиками, мыслями и наблюдениями. В одной из своих статей Белинский с законной гордостью отмечал, что его критические отзывы отличаются «от критики всех других журналов — своими началами, и своим характером, и даже самым языком» (VII, 416).

Индивидуальные стилистические и композиционные особенности, свойственные рецензиям Белинского и рельефно выделяющие их из общей массы журнальной библиографии, глубина мысли, боевой дух, идейная принципиальность, тонкость художественного анализа, язвительное остроумие — все это присуще и публикуемым нами текстам.

Непримиримая борьба с реакционными и безидейными произведениями, с изделиями «заднего двора российской словесности», выкорчевывание «литературных плевел и пустоцветов» является одной из почетнейших заслуг Белинского перед русской литературой.

К лучшим образцам беспощадно бичующих, боевых рецензий Белинского могут быть отнесены публикуемые нами отзывы на «Полину» А. Дюма, на романы «Несчастная», «Бородинское поле» и «Ротмистр Чернокнижник» и на «Жизнь Виллиама Шекспира» А. Славина.

Заключительная часть рецензии на «Полину», исполненная патриотического негодования, звучит особенно остро и злободневно. Белинский страстно выступает здесь против людей, принижающих величайшие культурные ценности своего народа и падающих ниц перед каждым, даже ничтожным произведением западноевропейской беллетристики. Не менее достойна внимания небольшая рецензия на французскую брошюрку, вышедшую в Петербурге, в которой Белинский резко клеймит космополитические «чувства-колонисты, лишенные родной почвы, родного климата и родного неба», противопоставляя им «глубокое, сильное и могучее» русское национальное чувство. Для изучения генезиса «Письма к Гоголю» существенный интерес представляет маленькая, но весьма выразительная рецензия на пьесу «Тридцать лет, или жизнь игрока», к которой восходит одно из ярких антикрепостнических высказываний этого выдающегося документа русской революционно-демократической мысли.

Укажем в заключение, что, помимо публикуемых ниже материалов, мы считаем возможным с уверенностью приписать Белинскому авторство в отношении еще следующих изученных нами текстов: одного театрального обзора — «Михайловский театр» («Лит. газета», 1840, № 10, 3 февраля, стр. 232—237, подпись: «— й»), десяти рецензий, помещенных в «Литературной газете» 1840 г., и четырнадцати рецензий из «Отечественных записок».

Приводим список этих рецензий:

«Лит. газета»: 1. «Месяцеслов на високосный 1840 г.» (№ 1 от 3 января); 2. «Памятная книжка на 1840 год» (№ 3 от 10 января); 3. «Вдовец и его сын» В. Писчикова (№ 4 от 13 января); 4. «Подарок на новый год. Две сказки Гофмана для больших и маленьких детей» (№ 5 от 17 января); 5. «Детская библиотека, соч. девицы Тремадюр» (№ 5 от 17 января); 6. «Разговоры Эмилии о нравственных предметах» (№ 5 от 17 января); 7. «Миниатюрный альбом для детей» (№ 5 от 17 января); 8. «Сцены в Москве в 1812 году» (№ 6 от 20 января); 9. «Призвание женщины» (№ 6 от 20 января); 10. «Подарок нашим детям» А. и С. Грен (№ 14 от 17 февраля). Все эти книги разбирались Белинским также и в «Отечественных записках».

«Отечественные записки»: 1. «Прогулки по 12 губерниям» П. Сумарокова (1839, № 12); 2. «История Петра Великого» В. Бергмана (1841, № 1); 3. «Песни народные» М. Суханова (1841, № 1); 4. «Правосудие божие» И. Анца (1841, № 2); 5. «Переписка и рассказы русского инвалида», 2-е изд. (1841, № 2); 6. «Виолетта, или феины сказки» (1841, № 2); 7. «История крестовых походов» Мишо (1842, № 1); 8. «Замоский, воевода Сандомирский» Г. (1842, № 2); 9. «Учебная книга всеобщей истории» И. Кайданова (1842, № 4); 10. «Опыт теории изящной словесности» М. Чистякова (1842, № 12); 11. «Всемирная история» К. Ф. Беккера (1844, № 1); 12. «Бернард Мопрат» Жорж Занда (1844, № 9); 13. «Литературные и журнальные заметки: Открытие памятника Карамзину» (1845, № 10); 14. «Новейшая грамматика...» Я. Пожарского (1846, № 1).

< 1 >

ПОЛИНА

СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ДЮМА̀

Перевел с французского Александр Шубяков

Москва. В тип. Николая Степанова. 1839. В 12-ю д. л. 334 стр.

Мы уже имели случай в 4 книжке нашего журнала говорить о переводе на русский язык «Полины» Дюма̀, с которою ознакомили уже отчасти наших читателей еще в 1-й книжке «Отеч. записок», при обозрении французской литературы за 1838-й год. Мы сказали свое мнение об этой пустой сказке вообще, думая, что этим наши сношения с нею и кончатся. Но — вот, после петербуржского перевода, является еще новый перевод в Москве: значит, это «сочинение» г. Александра Дюма̀ нравится переводчикам; молчание в этом случае было бы грех непростительный,— и мы решаемся посвятить несколько времени на рассказ того, что̀ такое эта нелепая «Полина», и что̀ такое сам автор ее — г. Александр Дюма̀. Сие последнее будет явствовать из самого рассказа «Полины».

Г. Александр Дюма̀, в своем путешествии по Швейцарии, часто встречался с Альфредом де-Нервалем, который провожал везде одну даму под вуалем. Ка̀к ни сильно было любопытство г. Александра Дюма̀ узнать, кто такая эта дама, — он никак не мог удовлетворить ему, потому что дама видимо избегала всякой встречи, всякого столкновения с ним. Но однажды случай помог ему; он успел даже взглянуть на ее лицо, и ему припомнилось смутно, что эту даму, теперь изнуренную и бледную, он видел в каком-то парижском салоне, «веселую, румяную, увенчанную цветами, носимую среди благоуханий и музыки, в упоительном вальсе, шумном галопаде». Потом он опять где-то увидел мельком эту таинственную Полину с ее неразлучным спутником, и на этот раз она была еще бледнее и болезненнее. Наконец, в Сесто-Календе он встретил ее гроб, который, с свойственною ему, г-ну Александру Дюма̀, проницательностию, тотчас узнал по таинственной подписи: «Полина».

Надобно сказать, что Альфред де-Нерваль был старинный, именно пятнадцатилетний друг г. Александра Дюма̀. В 1834 году, именно в субботу вечером, г. Александр Дюма̀ сидел у фехтовального учителя, слушая, с сигаркою во рту, его ученые теории, как вдруг вошел реченный Альфред де-Нерваль. Г. Александр Дюма̀ бросился к нему, в надежде узнать о таинственной его спутнице; но Альфред улыбнулся горестно, а г. Александру Дюма̀ стало стыдно. Однакож дело не могло так кончиться: г. Александру Дюма̀ нужна была повесть, и Альфред, волею или неволею, а должен был рассказать ему «свою историю».

Теперь приготовьтесь услышать историю, в которой фантастического больше, чем во всех фантастических рассказах Жюль-Жанена и Бальзака, странного больше, чем во всех романах Анны Радклиф, интересного и запутанного больше, чем во всех романах автора «Ринальдо Ринальдини», а вероятного и естественного больше, чем во всей «Повести о приключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе, с присовокуплением к оной истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевны Терезии» (см. ниже). Итак трепещите от восторгов, ужаса, нетерпения — и слушайте.

Альфред де-Нерваль был влюблен в Полину Мельен, а Полина Мельен не была влюблена в Альфреда де-Нерваль, посему сей злополучный кавалер и отправился путешествовать на все четыре стороны света, куда глаза глядят. Он бы, может быть, и женился на Полине, да она была богата, а он был беден, и как ни сильна была любовь его, но самолюбие его было

БЕЛИНСКИЙ
Рисунок Н. Н. Жукова, 1948 г.
Литературный музей, Москва

сильнее, и боязнь остаться с носом заставила его уехать путешествовать. Но в это время он уже получил в наследство от дяди 30 000 ливров, или полтораста тысяч франков годового дохода. С таким состоянием можно было смело свататься; но тогда все кончилось бы счастливо и не было бы страшной повести; а как оная была крайне нужна г. Александру Дюма̀, то Альфред де-Нерваль, по давнишней и пятнадцатилетней дружбе своей к нему, чтобы вывести его из затруднительного положения, и решился уже не свататься... У обыкновенных талантов подобные несообразности называются натяжками, а у таких великих гениев, как г. Александр Дюма̀, это не больше, как пиитические вольности в прозе... Истинный гений — что конь богатырский: несется повыше леса стоячего, пониже облака ходячего, горы и моря перелетает, большие реки хвостом застилает, а малые меж ног пропускает...

Альфред де-Нерваль был в Гавре; пустившись раз по морю на лодке, он принужден был поскорее поворотить к берегу, потому что сбиралась буря. Кое-как, измоченный с ног до головы, он выкарабкался на берег и провел ночь в развалинах монастыря. Надобно сказать, что в это время в Нормандии были ужасные разбои, неизвестно кем производимые; страна была полна ужаса и страха, и еще накануне прогулки де-Нерваля по морю было перерезано семейство одного англичанина, приехавшего было во Францию. В полночь де-Нерваль был разбужен шумом и заметил человека, который, вышед во мраке из двери, вырыл заступом ямку, куда что̀-то бросив, завалил камнем и скрылся. С рассветом Альфред де-Нерваль выбрался из развалин, которые были — развалины аббатства Гран-Пре, лежащего подле парка замка Бюрси, где живет граф Гораций Безеваль,— тот самый, который женился на Полине Мельен. На третий день Альфред решился снова отправиться на лодке к развалинам аббатства, чтобы открыть тайну появления там виденного им человека; приехав к содержателю почтовых лошадей в Диве, он узнал о новом убийстве — об убийстве графини де-Безеваль, в то самое время, когда он, Альфред де-Нерваль, был в развалинах аббатства. Надобно было осмотреть тело убитой; но медик куда-то отлучился—и дело расстроилось бы, если бы г. Александр Дюма̀, с свойственною ему гениальностию, не сумел и тут извернуться: Альфред любил живопись и для нее когда-то будто бы изучил анатомию, что̀ и дало ему возможность назвать себя хирургическим учеником. Графа не было дома, а вместо убитой Полины Альфред увидел не Полину, а совсем другую женщину. Она была застрелена пулею в бок. Тут приехал в за̀мок какой-то человек, в котором Альфред узнал того самого, которого видел в развалинах аббатства: слуга сказал ему, что это граф де-Безеваль. Мнимую Полину положили в гроб, и гроб заколотили. Тогда Альфред решился снова пробраться в развалины, вооружился, нанял лодку с двумя провожатыми, которым велел дожидаться себя в ущелье скалы. Зажегши факел, он заступом приподнял камень, наложенный на углубление таинственным человеком, и под камнем нашел ключ, посредством которого прошел множество потаенных дверей, подземных коридоров и проходов на манер г-жи Радклиф. Вдруг слух его поражается чьим-то стоном; он прислушивается — и в углу, за решеткою, видит женщину. Она держала во рту локон волос, подле нее лежали — пустой стакан, погасшая лампа и письмо. Тут следует патетическая сцена à la diable m'emporte, с разными трагическими штуками и выкрутасами — ну, что̀ много говорить: вы знаете, что̀ за злодейское перо у гениального господина Александра Дюма̀!.. Итак, скажем коротко, что Альфред в этой женщине узнал Полину и, разумеется, освободил ее. Бедняжка сидела двое суток в этом радклифском заключении и, мучимая тоскою, голодом и жаждою, за два часа до прихода Альфреда, выпила из стакана воду, хотя и знала, что в ней яд; но этот яд уже давно разложился, и потому она не умерла, а чахла года с два. Альфред шатается

с Полиною по Европе, говорит фразы, истощает на Полину все свое усердие, всю нежность; наконец она рассказывает ему свою историю, страшную и нелепую до последней крайности.

В блестящих парижских обществах Полина де-Мельен увидела графа де-Безеваля, который произвел на нее самое сильное впечатление; но это было не любовь, а удивление, соединенное с ужасом, в роде того, которое возбуждает в нас близкое созерцание льва или тигра. Она, т. е. Полина, была свидетельницею, как де-Безеваль, бледный, мрачный, небольшой ростом и повидимому слабый и нежный, собственноручно убил кабана, как какого-нибудь поросенка; сверх того, ей очень подробно рассказывали, как он в Индии собственноручно же убил тигрицу, вышед на нее только с кинжалом в руке. Конечно, и тигрица была не из простых зверей, а из героев байроновских, как и сей свирепый граф, и потому соразмерно помяла бока его сиятельству; но он остался жив, а она «смертию окончила жизнь свою». Однажды Полину мать пригласила петь вместе с Безевалем; Полина затрепетала, задрожала, однако запела, по пословице: «неволя скачет, неволя пляшет, неволя песенки поет». Наконец, она упала в обморок, а когда очнулась, то выронила из перчатки бумажку, на которой были написаны карандашом следующие слова: «Вы меня любите!.. благодарю! благодарю!» Полина не читала комедии Гоголя, и потому эта пошлая фраза, достойная Ивана Александровича Хлестакова, показалась ей решительно байроновскою и глубокою. Чем дальше в лес, тем больше дров: Полина получает от Безеваля целое послание, из которого предложим три отрывка:

«Я не похож на других людей. В возрасте удовольствия, беззаботности и радости (,) я много страдал, много думал, много вздыхал; мне 28 лет. Вы первая женщина, которую полюбил я, потому что я люблю вас, Полина.

«Если же (,) вопреки моей надежде, Полина, какая-нибудь причина, которой не предвижу, но которая может существовать, заставит вас убегать меня, как вы это делали доныне,— знайте, что все будет бесполезно; везде я буду преследовать вас; меня ничто не привязывает к одному месту столько же, как и к другому; напротив (,) влечет туда, где вы; быть подле вас, или следовать за вами, будет вперед единственною моею целию. Я потерял много лет и сто раз подвергал опасности свою жизнь, чтобы достигнуть до результата, который даже не обещал мне счастия. (Пойми, кто хочет!..)

«Прощайте, Полина! Я не угрожаю вам, я вас умоляю; я люблю вас, вы любите меня. Пожалейте же меня и себя».

Кто из этих строк не увидит, что оный граф де-Безеваль один из тех людей, которые «хотят заняться чем-нибудь высоким, а светская чернь не понимает их»?..

Граф женится на Полине, которая им очень довольна, только с удивлением замечает, что он, ложась спать, кладет подле себя пистолеты, обедая, держит их в кармане, а на дворе у него во всякое время готова оседланная лошадь.

У графа было двое друзей — тоже души глубокие и могучие, как увидите после, но все не столько, как он, и потому они питали к нему какое-то уважение, как ученики к своему учителю. Месяцев чрез десять после брака граф отправился в Нормандию, в свой замок, для охоты с своими друзьями; Полина стала просить его, чтобы он взял ее; но он решительно отказал ей в этом под предлогом, что замок запущен и имеет едва ли одну комнату, которая может защитить от дождя. Через несколько времени после этого все газеты и журналы наполнились слухами о разбоях в Нормандии. Полина отправилась к мужу без его позволения, была принята им сухо, жила в своей комнате одна; на ночь ее запирали. От нечего делать

она открывает в зàмке разные потаенные двери и ходы. В одну ночь замечает она, что ее муж протащил по этим ходам мертвое тело. На следующую ночь она пускается в исследования, идет тайным ходом, вдруг ее поражает шум и говор, она видит свет в соседней комнате. Муж ее пирует с своими приятелями; в углу комнаты лежит полумертвая англичанка; между приятелями графа-разбойника завязывается отвратительный спор за эту женщину; мерзавцы готовы резаться, но муж Полины выстреливает из пистолета и убивает англичанку. Полина узнаёт, что ее муж — разбойник; разумеется, что, при сей верной оказии, она вскрикивает и упадает в обморок. Разбойник, видя, что он открыт с своими гнусными сообщниками, решается уморить свою жену ядом, для чего и заключает ее в подземелье, из которого освободил ее Альфред. В письме, положенном подле ее, он говорит ей, что несмотря на всю любовь к ней, он не хочет пожертвовать своею и товарищей своих безопасностию ее жизни. Пока Альфред разгуливал по белому свету с Полиною, Безеваль вздумал посвататься за его сестру, о чем тот узнавши, скачет в Париж, с разными эффектами вызывает Безеваля на дуэль и убивает. Полина вскоре умирает от медленного действия яда.

Теперь видите ли вы, чтò за великий гений сей господин Александр Дюмà? Истинный художник! У него все основано на самой строгой необходимости, на самой разумной необходимости! Граф — человек с душою великою, глубокою, могучею — и оно так и должно быть, потому что он разбойник, вор, негодяй, мерзавец, достойный кнута, виселицы или каторжной работы.

Если это вам кажется странно, то вы — или провинциал необразованный, или человек, вовсе незнакомый с великою литературою современной нам Франции.

Шиллер написал «Разбойников»; но какая у него разница с г. Александром Дюмà! Как этот последний выше его, бедного немца! Во-первых, это было лет пятьдесят назад, а самому Шиллеру было тогда всего восьмнадцать лет; во-вторых, в своем герое, Мооре, Шиллер хотел изобразить не обыкновенного разбойника, из денег проливающего кровь людей, но мстителя за поруганные права человечества и разума: мысль детская, но в ней есть и смысл, и даже сказывается душа человеческая и могучая. Г. Александр Дюмà пошел дальше: в наше время, в 1830 году, следовательно, всего девять лет назад, в одном из образованнейших государств Европы, разбойник преспокойно пользуется титулом графа, женится, потом разбойничает, и после того является в лучших парижских обществах и слывет за светского человека высшего тона. Но и этого всего мало: этот разбойник режет людей не из мщения, не из ожесточения против жизни или общества, и не из другой какой-нибудь несчастной страсти, но просто из денег — и занимающий в современной французской литературе одно из почетных, одно из первых мест автор не постыдился в этом гнусном и подлом негодяе представить человека глубокого, могучего, с великими духовными силами и средствами, словом, субъективно высказать в нем с в о й идеал человека, так же, как Шиллер некогда в Карле Мооре субъективно высказал с в о й идеал человека!.. Или, может быть, корифеи юной французской литературы и в самом деле убеждены от всей души, что благородному и честному человеку, живущему в мире с обществом, хорошему гражданину, уважающему законы и условия общественные, нельзя быть ни глубоким, ни могучим в душе своей; а чтоб быть таким, надо сперва сделаться разбойником или, по крайней мере, вором? Жаль, что они не знают нашего Ваньки-Каина: то-то была душа глубокая и могучая!

Одно тò чего стоит, что он подвел свою невесту под кнут и уже после на ней женился, говоря, что «битая посуда два века живет!». Сколько бы

«МОСКВА ПОСЛЕ ПОЖАРА»

Картина маслом М. Н. Воробьева, 1818 г.

«...О, Москва, Москва! жить и умереть в тебе, белокаменная, есть верх моих желаний...» (Из письма Белинского к брату К. Г. Белинскому от 20 сентября 1833 г.)

Центральное хранилище музейных фондов ленинградских пригородных дворцов-музеев, г. Пушкин

романов, повестей, драм произвел этот великий мошенник, а следовательно, великий человек, по воззрению французских великих художников!.. Боже мой, как мы-то отстали от Франции в просвещении! Великий наш поэт Пушкин вывел в повести своей Емельку Пугачева: но что это такое? Во-первых, это лицо историческое и невымышленное, а во-вторых, автор, не лишив его какой-то могучести души, не лишил его ⟨...⟩ манер, свойственных беглому казаку и разбойнику. Если бы француз сделал Емельку героем своего романа или повести, он заставил бы его свободно говорить на нескольких языках, играть на фортепьяно и петь, стрелять из пистолета без промаха, а — главное — говорить фразы, которые могли бы быть пародиями на Байрона и «Фауста» Гёте... Но, увы! Пушкина повесть была свободным порывом вдохновения, а не плодом общего направления литературы! И теперь разбойникам ни один из порядочных писателей не посвящает ни строки, а возятся с ними только разве авторы московского толкучего рынка, состоящие под покровительством московского Лавокà — г. Логинова!..

И в самом деле, не шутя, кто бы осмелился у нас сказать, что французская литература, в своем направлении, далеко отстала от нашей? Боже мой, да это все равно, что сказать, что чухны обогнали нас в просвещении! Даже не все равно, потому что, по давней привычке к скромности, мы готовы унизить себя даже перед чухнами. У нас есть журналисты, которые вместе и стихотворцы, и которые оскорбляются, как нелепостию, противною здравому смыслу, мыслию, что Пушкин не только поэт своей страны, но и великий поэт всего человечества. Попробуйте же теперь отозваться с неуважением о каком-нибудь гаэре милой французской литературы — на вас станут смотреть как на оскорбителя национальной чести, вас готовы побить камением...

Но — мы отдалились от предмета. Прибавим к сказанному, что «Полина» г. Дюмà, нелепая и пошлая по своей идее, нелепа и по изложению: растянута, слаба, бледна... А между тем, вот уже другой перевод ее явился на русском языке, и — чтò всего досаднее — оба перевода этого вздора сносны. Нашли же гг. переводчики, чтò переводить! ⟨...⟩

⟨«Отеч. записки», 1839, т. V, № 8, отд. VI, стр. 24—31⟩.

Сотрудничество Белинского в «Отечественных записках» началось с августовской книжки 1839 г., в которой он поместил ряд остроумных рецензий на изделия московских «фризурных» авторов и переводчиков.

Нельзя не заметить, что все эти рецензии отличаются общностью тона, стилистическим и лексическим единством, естественно выделяющим их из довольно тусклой библиографической хроники этого номера.

В полное собрание сочинений Белинского, редактировавшееся С. А. Венгеровым (т. IV), включено только четыре рецензии из этого номера журнала. Нам удалось выявить еще две рецензии из этой же книжки «Отечественных записок», оставшиеся вне поля зрения издателей сочинений Белинского, хотя по ряду несомненных признаков они принадлежат именно ему.

Наши соображения об авторстве Белинского для рецензии на московское издание «Полины» сводятся к следующему:

1. Упоминания о Дюма в прежних книжках «Отечественных записок» были весьма снисходительны. Для Белинского же в этот период Дюма — «жалкая посредственность» (IV, 248), относимая к числу тех французских писателей, которые, «обоготворив неистовство животных страстей», выдают «мясничество за трагедию и роман, а клеветы на человеческую натуру за изображение настоящего века и современного общества» (IV, 461). «Всё, что есть отвратительного в человеческой природе ⟨...⟩—писал Белинский,— всё, что есть ужасного в гражданском обществе, все его противоречия — всё это они

отвлекли от природы человека и от гражданского общества, и ряд чудовищно нелепых романов, повестей и драм наводнил весь белый свет. Евгений Сю просто-напросто объявил, что на этом свете быть честным и добрым значит метить прямо на виселицу или на колесо, а быть мерзавцем и извергом есть верное средство наслаждаться всеми благами мира сего <...> Дюма̀ возвестил миру, что любить женщину — значит быть готовым каждую минуту задушить, зарезать ее; что сильно и глубоко чувствовать — значит быть тигром, гиеною» (III, 409).

Рецензент «Полины» осуждает автора в том же резком и негодующем тоне за то, что он «не постыдился в этом гнусном и подлом негодяе представить человека глубокого, могучего, с великими духовными силами и средствами, словом, субъективно высказать в нем свой идеал человека, так же, как Шиллер некогда в Карле Мооре субъективно высказал свой идеал человека!.. Или, может быть, корифеи юной французской литературы и в самом деле убеждены от всей души, что благородному и честному человеку, живущему в мире с обществом, хорошему гражданину, уважающему законы и условия общественные, нельзя быть ни глубоким, ни могучим в душе своей; а чтоб быть таким, надо сперва сделаться разбойником или, по крайней мере, вором? Жаль, что они не знают нашего Ваньки-Каина: то-то была душа глубокая и могучая! Одно то̀ чего стоит, что он подвел свою невесту под кнут и уже после на ней женился, говоря, что „битая посуда два века живет!“ Сколько бы романов, повестей, драм произвел этот великий мошенник, а следовательно, великий человек, по воззрению французских великих художников!..»

Во всех этих высказываниях, взятых нами из разных статей, явственно слышатся интонации Белинского.

2. Резкие выпады против французской литературы и всего французского, встречающиеся в рецензии, характерны для Белинского этого периода.

3. Оценка «Разбойников» Шиллера, «детскость» которых (тем же эпитетом) Белинский отметил несколько ранее (см. III, 331), совпадает с оценкой трагедии критиком в отзывах этого времени (см. IV, 481).

4. Стилистическая близость этой рецензии с другими отзывами Белинского может быть наглядно продемонстрирована следующей параллелью.

В рецензии на «Полину» читаем:

«Альфред де-Нерваль был влюблен в Полину Мельен, а Полина Мельен не была влюблена в Альфреда де-Нерваль, посему сей злополучный кавалер и отправился путешествовать на все четыре стороны света, куда глаза глядят. Он бы, может быть, и женился на Полине, да она была богата, а он был беден, и как ни сильна была любовь его, но самолюбие его было сильнее, и боязнь остаться с носом заставила его уехать путешествовать. Но в это время он уже получил в наследство от дяди 30 000 ливров <...> С таким состоянием можно было смело свататься; но тогда все кончилось бы счастливо и не было бы страшной повести; а как оная была крайне нужна г. Александру Дюма̀, то Альфред де-Нерваль, по давнишней и пятнадцатилетней дружбе своей к нему, чтобы вывести его из затруднительного положения, и решился уже не свататься» и т. д. (Разрядка наша. — *Л. Л.*)

Сравним приведенный текст с рецензией «Соперники в любви, или неразгаданная тайна красавицы», напечатанной одновременно Белинским в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду»:

«Андрей Сумский влюблен в Розу Склонскую, а оная девица влюблена в Андрея Сумского. Все это как нельзя лучше. У Андрея Сумского есть друг, Орест Туров<...> Реченный Орест Туров был порядочным человеком и хорошим другом до тех пор, пока не заметил взаимной склонности Сумского и Склонской; но тут его взяла ревность, не потому, чтобы он сам любил Розу, и не потому, чтобы он был злой человек, а потому, что автору понадобился злодей, без чего его повесть не тронулась бы ни взад, ни вперед. Г. Орест Туров,

признавши справедливость доводов г. автора, решился вдруг играть роль злодея и для этого влюбиться в Розу» и т. д. (IV, 291—292).

5. Выражение: «авторы московского толкучего рынка, состоящие под покровительством московского Лавокà — г. Логинова» — типично для Белинского. Как замечает в своих атрибуционных заметках проф. В. С. Спиридонов, имя Лавокà часто встречается в статьях и рецензиях Белинского, и везде «этому французскому книгопродавцу критик противопоставляет русских издателей-лубочников, именуя их „наши доморощенные Лавокà", „наши Лавокà", „наши досужие Лавокà" — ср. II, 48 и 110; III, 50; IV, 103; VIII, 347; XIII, 416 и 433» («Лит. наследство», т. 55, стр. 304).

6. Ироническое применение цитаты из «Ревизора»: «Она смертию окончила жизнь свою» неоднократно встречается у Белинского. Характерно, что он использовал ее и в одновременно написанной рецензии на роман «Как любят женщины» (IV, 352).

7. Саркастическое «понятно ли?» после нелепой цитаты Белинский применяет не только в «Полине», но и в одновременно написанных рецензиях на «Новейший и самый полный астрономический телескоп» (IV, 290) и «Соперники в любви...» (IV, 291) и т. д.

8. В рецензии имеется ссылка на помещенный в этой же книжке отзыв Белинского — «Повесть о приключении английского милорда Георга...»

Возникает вопрос: как могла статья с подобными признаками не обратить на себя внимание С. А. Венгерова?

Нам кажется, что объяснить это можно только тем, что первый абзац рецензии, написанный, повидимому, не Белинским, а Краевским, на первый взгляд, делал невозможной атрибуцию ее Белинскому.

Между тем ни сдержанный отзыв в обозрении французской литературы, помещенный ранее в «Отечественных записках» (1839, №1, отд. VI, стр. 105), ни любезно-снисходительный тон рецензии на петербургское издание «Полины» не имеют сходства с резкой отповедью Дюма и всей «неистовой» школе французского романтизма, которой является публикуемая рецензия. Столь резкий тон не имел прецедентов на страницах солидных и чопорных «Отечественных записок» 1839 г. «Если вы будете снисходительны, — писал петербургский рецензент «Полины», — и не сочтете за нелепость, что такой воспитанный и образованный человек, как граф де-Безеваль разбойничает со своею шайкой в лесах Нормандии, если вам не покажется странным, что он в 1830 году отправляет свои дела как будто бы это было в 1130 году; если предположите, что теперь во Франции вовсе нет полиции — то прочитаете этот роман с удовольствием. Слог перевода довольно чистенек, но несколько тяжел и испещрен типографическими ошибками, из коих некоторые довольно забавны...» («Отеч. записки», 1839, № 4).

Публикуя отзыв Белинского, Краевский не мог, разумеется, не напомнить о двух предыдущих отзывах на ту же книгу и добавил, вероятно, от себя, первый абзац, заканчивающийся довольно неуклюжей фразой: «...мы решаемся посвятить несколько времени на рассказ того, что̀ такое эта нелепая „Полина" и что̀ такое сам автор ее — г. Александр Дюма̀. Сие последнее будет явствовать из самого рассказа „Полины"».

О том, что Краевский внес какие-то изменения в рецензии Белинского, помещенные именно в восьмой книжке «Отечественных записок», сохранилось любопытное указание самого критика: «Теперь перелистываю № 8 „Отеч. записок"⟨...⟩, — писал он Краевскому из Москвы 24 августа 1839 г. — С удовольствием пересмотрел мои статейки в „Литературных прибавлениях" и „Отечественных записках". Небольшие изменения, сделанные вами в них, очень хороши, и я вполне доволен ими...» («Письма», I, 336). Точно установить, какие именно изменения были внесены Краевским в рецензии Белинского, разумеется, нелегко, однако можно с уверенностью сказать, что первый абзац «Полины», несомненно, относился к их числу, равно как приписанная к концу рецензии фраза: «Но видно уж господину Александру Дюма̀ особенное счастье на святой Руси. Вот еще...», — которая должна была связать рецензию Белинского с отзывом на петербургское издание «Новых повестей» Дюма, в текст которого введены, между прочим, отдельные штрихи из публикуемой рецензии на «Полину».

‹ 2 ›

НЕСЧАСТНАЯ

РОМАН ИЗ НАЧАЛА (?!...) ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ II. XVIII ВЕКА

В двух частях.

Москва. В тип. В. Кирилова. 1839. В 12-ю д. л. В I-й части 225, во II-й — 203 стр.

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ, ИЛИ СМЕРТЬ ЗА ЧЕСТЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Москва. В тип. Ивана Смирнова (,) при Императорских московских театрах. 1839. В 12-ю д. л. Три части. В I-й—115, во II-й—95, в III-й—95 стр.

РОТМИСТР ЧЕРНОКНИЖНИК, ИЛИ МОСКВА В 1812 ГОДУ

РОМАН ИЗ ПОХОДНЫХ ЗАПИСОК АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКОВНИКА

Москва. В тип. Н. Степанова. 1839. Три части. В 12-ю д. л. В I-й части 76, во II-й—50, в III-й—66 стр.

Вот эти три романа совсем не то, что «Полина» и «Новые повести» г. Александра Дюма; хотя они и не уступят первым в нелепости содержания, но форма у них своя, им только свойственная и ни на чью другую непохожая. Эта разница в форме имеет свою причину: «Полина», например, писана для черни салонной и черни средних обществ; а эти три романа писаны для сидельцев мучных и а в о ш н ы х лавок, для площадных торговок и цаловальников. Впрочем, хотя они и не будут переведены ни на

НЕДОРОСЛЬ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Изданіе А Кузнецова.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. СМИРНОВА.

при ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ Театрахъ.

1839.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КОМЕДИИ ФОНВИЗИНА «НЕДОРОСЛЬ», ИЗДАНИЕ А. КУЗНЕЦОВА

Этому изданию посвящена не известная ранее рецензия Белинского в «Литературной газете» № 4 за 1840 г.

один из европейских языков, но разойдутся все-таки не хуже «Полины», потому что о них, вероятно, будет заботиться какой-нибудь почтеннейший книгопродавец, необыкновенно острый муж для сбыта подобных произведений, которые он покупает в рукописях рублев по 20, 30 и 50 за штуку, смотря по числу частей и весу тетрадей. Лишь только он выпустит такое творение, как к нему явится варяг-ходебщик с огромным мешком и начнет торговать у него новое творение оптом, с-мешка; торг заключен — и новое творение рыночного ума и рыночной фантазии является в Москве и у Кремлевского сада, и в проходных воротах Никольской, Ильинки, и на Толкучем, на Смоленском и других рынках, и на всех почти перекрестках. Русский человек вообще боится тех лавок, где «не торгуются», и убегает их; но тут торгуйтесь, сколько душе угодно; за роман просят 5 и 10 рублев, а отдают его за три гривенника, за четвертак, двугривенный, пятиалтынный, гривенник и пятак серебра. Между тем, «варяги» развозят еще эти изделия по провинциям и обменивают их на крупу и овес; провинция скупа на деньги, и особенно не любит сорить их на такие пустяки, как книги. Кроме того, какой-нибудь житель провинции, соблазненный хитро-затейливым заглавием романа, крупно и разборчиво напечатанным в «Ведомостях», выписывает его за объявленную цену, т. е. за 10 или 15 рублей,— и, вместо ожидаемых трех или четырех толстых книг, получает одну тоненькую книжечку, разделенную нумерациею на три части, каждая страничек по сорока или, много, по семидесяти. Обманувшись раз, не убережется и на другой, а если и убережется, то покупщиков и без него много на святой Руси. Видите ли, какие верные средства для сбыта изделий площадного ума и фантазии? Барыш всегда несомненный! Надобно сказать вам,что печатание книг и в лучших московских типографиях — Семѐна и Степанова, втрое дешевле, чем в Петербурге, а эти произведения печатаются по большей части в типографиях гг. Смирнова, Кирилова, Евреинова, где печатание обходится так же дешево, как набойка холстины для пестрых нарядов деревенских щеголих. Бумага на них идет оберточная, которая в овощных лавках употребляется на завертывание мыла и сальных свечей. Хвала мелкой книжной промышленности! Без нее некоторые книгопродавцы не были бы «почтеннейшими», фризурные писаки были бы без хлеба и без водки, а православный народец был бы без книг и чтения!..

О первых двух из этих романов распространяться нѐчего; но о третьем нельзя умолчать. «Ротмистр Чернокнижник» был уже напечатан еще, кажется, в 1837 году, с именем г. Вельтмана, который, вступившись за честь своего авторского имени, так обязательно и так наивно предаваемого на позор и бесславие, вошел в дело и, кажется, успел остановить дальнейшую продажу нелепого романа. Теперь он является в новом виде: без имени г. Вельтмана и с прибавкою к заглавию «или Москва в 1812 году, роман из походных записок артиллерийского полковника». Так как книжица напечатана на не совсем гадкой бумаге и в типографии г. Степанова, от чего и отличается довольно благопристойной наружностию, а заглавием своим и эпиграфами из Пушкина обещает многое,— то удивительно ли, что найдет себе покупщиков! Но какова будет досада неопытных покупателей, когда они увидят, что книга написана не умным и благородным полковником артиллерии, а разве каким-нибудь писарем, и что в ней нет и тени великого двенадцатого года, а есть один грязный и пошлый вздор?.. Забавнее всего начало романа: фризурный автор изображает провинциальное общество таким злым пером, что не одна горничная, которой бы стал читать он свое произведение, сказала бы ему: «ах, какой вы критикан!» Послушаем и мы немножко остроумного автора толкучего рынка: «Знаете ли вы, что̀ такое бал у деревенского помещика?

Это такая смесь безвкусия, смешного, жалкого, что, право, никто не захочет быть спокойным зрителем, а уйдет скорее в трактир, выкурит трубку фалеру и выпьет бутылку пива, чтоб не видать этих танцев, где никто не умеет танцовать, чтоб не слыхать этих истертых комплиментов, которые попадают из передних столицы в залы городков — и прямо в уста провинциальных дам». Право, какой вы критикан-с, почтеннейший!.. Но вот наш критикан, выпив бутылку пива и затянувшись фалером, заказал себе яичницу или селянку — не помним хорошенько — и велел подать себе можжевеловой, и чрез тò, возгорясь вящшим жаром, начинает уверять, что на провинциальных балах дамы танцуют в ситцовых платьях и с пестрыми, изношенными платками и шалями на плечах. Вот чтò значит выпить можжевеловой-то! Право, большой критикан-с!..

⟨«Отеч. записки», 1839, т. V, № 8, отд. VI, стр. 34—36⟩.

Объединенная рецензия на книги «Несчастная», «Бородинское поле...» и «Ротмистр Чернокнижник...» написана в стилистической манере Белинского. Ряд текстуальных совпадений, в том числе и с более поздними высказываниями критика позволяют с уверенностью приписать рецензию Белинскому. Тесная связь с отзывом на «Полину», очевидно, помешала С. А. Венгерову и позднейшим исследователям обнаружить эту рецензию. Для нас же эта несомненная близость является лишь дополнительным аргументом, подтверждающим принадлежность Белинскому обеих рецензий. Приведем несколько текстовых параллелей и сопоставлений.

В рецензии на «Несчастную» читаем:

«Эти три романа писаны для сидельцев мучных и авошных лавок ⟨...⟩ о них, вероятно, будет заботиться какой-нибудь почтеннейший книгопродавец, необыкновенно острый муж для сбыта подобных произведений ⟨...⟩ Лишь только он выпустит такое творение, как к нему явится варяг-ходебщик с огромным мешком и начнет торговать у него новое творение оптом, с-мешка; торг заключен — и новое творение рыночного ума и рыночной фантазии является в Москве и у Кремлевского сада, и в проходных воротах Никольской, Ильинки и на Толкучем, на Смоленском и других рынках, и на всех почти перекрестках ⟨...⟩ За роман просят 5 и 10 рублев, а отдают его за три гривенника, за четвертак, двугривенный, пятиалтынный, гривенник и пятак серебра. Между тем, „варяги“ развозят еще эти изделия по провинциям и обменивают их на крупу и овес ⟨...⟩ Бумага ⟨на эти книги⟩ идет оберточная, которая в овощных лавках употребляется на завертывание мыла и сальных свечей. Хвала мелкой книжной промышленности! Без нее некоторые книгопродавцы не были бы „почтеннейшими“, фризурные писаки были бы без хлеба и без водки, а пра́вославный народец был бы без книг и чтения!..».

В рецензии на книгу «Гусар, или каких дивных приключений не бывает на свете!», написанной полутора годами позже, Белинский в значительной степени воспроизводит текст публикуемой нами рецензии, повествуя о «фризовых сочинителях», «самородных пиитах толкучего рынка, в фризовых шинелях и с небритыми бородами», книжки которых «обыкновенно печатаются на серой оберточной бумаге, в которой из овощных лавочек отпускаются сальные свечи, мыло и пр.⟨...⟩ Для кого печатаются эти книги?— спросите вы ⟨...⟩ — сычевские книги не поступают в книжные лавки, но прямо из типографии идут в мешки и частию остаются на Щукином дворе, частию развозятся на толкучие рынки Москвы и по провинциям, где варяги сбывают их ценою от 5 до 50 копеек серебром...» (XIII, 61). Выражение «авошные лавочки», в той же пародийной транскрипции, употребляется Белинским неоднократно.

В рецензии на «Искусство брать взятки» («Московский наблюдатель», 1839, ч. 2) Белинский писал: «В Москве образовался особенный род литературы, особенный литературный мир. Эта литература ходит во фризовой шинели, редко бреет бороду, умывается и причесывается разве по торжественным праздникам; печатается она в типографиях гг. Кузнецова, Смирнова и Кирилова; ее поприще и круг действия — Тол-

кучий рынок: там процветают книжные магазины ее Лавокà и Мурраев; ее посредники — ходебщики; ее публика — сидельцы а в о ш н ы х лавок и вообще люди, для которых — все печатное должно быть хорошо...» Далее Белинский сообщает, что эти «серенькие книжки⟨...⟩ распространяются по своему читающему миру не в кипах и не через почту, а в мешках и через ходебщиков...» (IV, 103).

Выражение: «Право, большой критикан», которым заключается публикуемая нами рецензия, повторяется Белинским несколько позже, в «Отечественных записках» в заключении рецензии на «Мнимого больного»: «Какие „критиканы"!.. Ужасные, право, „критиканы"!» (V, 446) и в ряде других рецензий.

Подобные аналогии можно было бы значительно умножить, но в этом как будто уже нет необходимости. Заметим только в заключение, что находящиеся в той же восьмой книжке «Отечественных записок» рецензии на «Полные... и вновь избранные анекдоты о Балакиреве», «Карманный песенник», «Опыт описания Бородинского сражения» и др., в е р о я т н о, т а к ж е п р и н а д л е ж а т Б е л и н с к о м у и составляют, таким образом, целый цикл, завершаемый следующими словами в последней рецензии: «Слава богу! На столько вздорных книг, прочтенных нами, наконец одна дельная». Эти рецензии, по своей лаконичности, не могут иметь столько явных свидетельств об авторстве Белинского, как публикуемые нами выше, однако они обладают стилистической и тематической общностью и не лишены специфических для Белинского признаков, вроде упоминания о «„варягах", сбывающих подобные книжонки» («Карманный песенник»), «фризурных авторах» и «книжной промышленности Толкучего рынка» («Анекдоты Балакирева») и пр. Подтверждение этой гипотезы можно найти в одном из писем А. А. Краевского к Белинскому — от 17 июля 1839 г., в котором Краевский откликается на известие, что Белинский взял у А. Д. Галахова для рецензирования 18 книжек, изданных в Москве («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 96). В августовских номерах «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» было напечатано только шесть рецензий Белинского, в «Отечественных записках» — пять, опубликованных Венгеровым, плюс две, атрибутированных нами (на ч е т ы р е книги) — всего пятнадцать. Таким образом, рецензии, перечисленные нами выше, как будто дополняют общий счет книг, разбиравшихся Белинским.

⟨ 3 ⟩

ЛЕКАРСТВО ОТ ЗАДУМЧИВОСТИ И БЕССОННИЦЫ, ИЛИ СОБРАНИЕ НАСТОЯЩИХ РУССКИХ СКАЗОК

Москва. В тип. И. Смирнова. 1839. В 12-ю д. л.

Не думайте, чтоб это были точно народные русские сказки, в их наивной прелести, в их милой простоте и свежести. Это грязные изделия г р а м о т е е в, которые своим грубым долотом, вместо резца, разрушают драгоценные, безыскусственные формы, данные дикому камню могучей и бесхитростной рукой народа. — В этой книжке вы найдете, например: «О славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче, о его храбрости и о неизобразимой красоте царевны Анастасии Вахрамеевны»; «О храбром и смелом кавалере Иване Царевиче и о прекрасной супруге его царь-девице»; «О Игнатье Царевиче и о Суворе невидимке мужичке» и проч. Как заглавие самой книги, так и выписанные нами заглавия сказок, кажется, очень хорошо говорят, чтò это такое.

⟨«Лит. газета», 1840, № 4, 13 янв., стр. 89⟩.

«Нелепое заглавие этой книжки, — писал Белинский в отзыве на «Лекарство...» в № 11 «Отечественных записок» за 1839 г., — есть лучшая рецензия на нее» (IV, 386).

Точно так же характеризуется эта книга и в публикуемой рецензии. Если учесть постоянно повторяемое положение Белинского о том, что «народные сказки хороши и интересны так, как создала их фантазия народа, без перемен, украшений и переделок» (XII, 215), которое является главной мыслью и этой рецензии, предше-

ствующей многим подобным высказываниям Белинского, авторство его становится несомненным. Белинский, как правило, рецензировал только петербургские издания. Эта же рецензия, как и две следующие, вероятно, написаны им еще до переезда в Петербург.

< 4 >

НЕДОРОСЛЬ

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Издание А. Кузнецова. Москва. В тип. И. Смирнова. 1839. В 24-ю д. л. 312 стр.

Нам стало жалко бедного, даровитого Фонвизина, когда мы увидали это новое издание его лучшего произведения. Комедия его, хотя и не относящаяся в строгом смысле к сфере искусства, всегда однакож останется

«КРЕМЛЬ МОСКОВСКИЙ»

Гравюра Гоберта из «Памятной книжки на 1840 г.» СПб, 1839 г.

«... В памятной книжке, изданной на нынешний год... помещено всего 14 картинок; каждая картинка стоит того, чтобы ее вырезать из книжки и поставить в рамку...» (Из рецензии Белинского)

уважительным памятником в нашей литературе. Это сколки с нравов бывшей эпохи, это мастерские копии с натуры, сделанные человеком умным, ловким, понимавшим хорошо свое время и по тому уже одному стоявшим выше его. Все то, чего можно требовать от копии, все можно найти в фонвизинском «Недоросле»; и всего того, чего нельзя требовать от копии, не должно искать и в нем. Оригинальности, смешные и нелепые особенности века схвачены и списаны отчетливо, умно, забавно, увлекательно; но там, где выступает положительная сторона, где начинает говорить истина, там все мертво, пошло, даже отвратительно. Но и эти мертвые места у Фонвизина не должны быть упускаемы из вида, и не пропадут никогда совершенно, потому что в них с у б ъ е к т и в н о, от лица автора, выражался образ мыслей того времени. Нам потому стало жаль Фонвизина, что новое издание его комедии есть не больше, как подвиг производительной промышленности толкучего рынка.

<«Лит. газета», 1840, № 4, 13 янв., стр. 89—90>.

Утверждение, что комедия Фонвизина «хотя и не относящаяся в строгом смысле к сфере искусства, всегда однакож останется уважительным памятником в нашей литературе», является постоянным тезисом Белинского, проходящим через все статьи критика — начиная с ранних его рецензий и до итоговых статей о Пушкине (см., например, XI, 205). Приводим выдержку из несколько более раннего отзыва Белинского об этом же издании. Сходство с публикуемой нами рецензией выступает здесь особенно отчетливо. «Комедия даровитого Фонвизина всегда будет народным чтением и всегда удержит почетное место в истории русской литературы. Она не художественное произведение, но сатира на нравы, и сатира мастерская. Ее действующие лица — дураки и умные: дураки все очень милы, а умные все очень пошлы; первые карикатуры, написанные с большим талантом, вторые — резонёры, которые надоедают вам своими сентенциями. Одним словом, комедии Фонвизина, особливо „Недоросль", никогда не перестанут возбуждать смех и, постепенно теряя чтецов в высших, со стороны образования, кругах общества, тем более будут выигрывать их в низших и делаться народным чтением. Вот уже площадная книжная производительность начинает овладевать ими, и г-н Кузнецов издает их, печатая в типографии г. Смирнова, на дурной бумаге и со всевозможными орфографическими, логическими и типографическими ошибками» (IV, 385. Разрядка наша. —*Л. Л.*).

Приложение к Фонвизину своеобразного эпитета «даровитый» в обеих рецензиях, употребление слова «субъективно», резкое осуждение «подвига производительной промышленности толкучего рынка» весьма типичны для Белинского.

‹ 5 ›

EPÎTRE EN VERS AU PRINCE DE VARSOVIE COMTE PASKEWITCH D'ERIVAN. 1826—1831

PAR LE PRINCE NICOLAS GALITZIN

St. Pétersbourg, de l'imprimerie de Charles Kray. 1839. В 8-ю д. л. 13 стр.

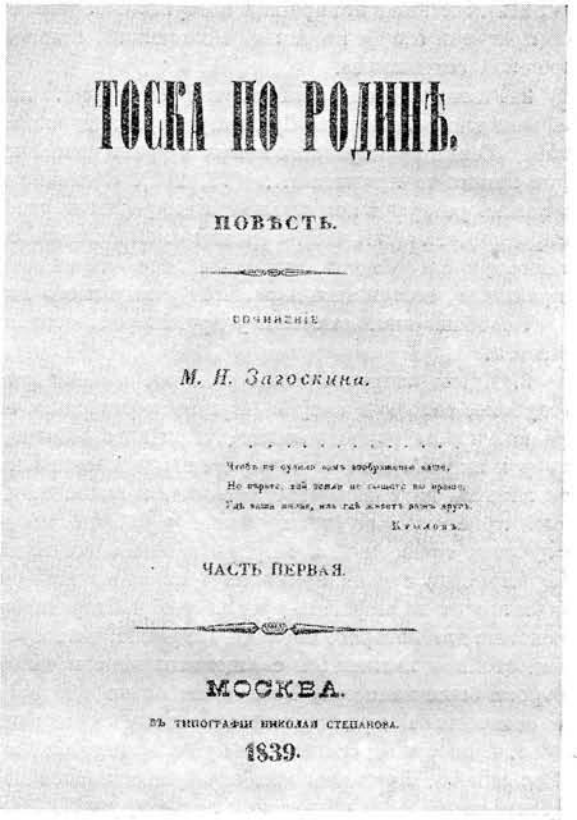
Epître по-русски значит послание, а по-латыни epistola, от чего и произошла эпистолярная поэзия, которую еще в прошлом веке признали действительно за поэзию, а теперь уже отнесли к рифмованной прозе, которая хуже всякой худой прозы. Французский язык не совсем способен к поэзии, но удивительно как хорошо идет к рифмованной реторике фраз. Вероятно, это и решило автора, русского по крови и душе, написать в честь русского же героя гладкую французскую прозу, зарифмованную французскими созвучиями. Это обстоятельство нас заставило перечесть «Бородинскую годовщину» Пушкина, чтобы насладиться непостижимым умением истинного поэта в немногих словах сказать много, и несколькими стихами, как на меди или мраморе, выгравировать неизгладимыми буквами великий подвиг героя, которого тщетно ищем мы понять в ином довольно длинном послании, исполненном самыми обстоятельными описаниями. Судите сами:

Победа! Сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

‹«Отеч. записки», 1840, т. VIII, № 1, отд. VI, стр. 56›.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПОВЕСТИ М. Н. ЗАГОСКИНА «ТОСКА ПО РОДИНЕ», ИЗДАНИЕ 1839 г.

Этой книге посвящена не известная ранее рецензия Белинского в «Литературной газете» № 5 за 1840 г.



ТОСКА ПО РОДИНѢ.

ПОВѢСТЬ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Н. Загоскина.

. . . . . .

Чтобъ не сумѣли мнѣ изображенья скрыть,
Но вѣрьте, гдѣ земли не сыщете вы краше,
Гдѣ наша нива, или гдѣ живетъ родной другъ.

Кемоэнъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1839.

‹ 6 ›

BORODINO
INSPIRATION AU PIED DU MONUMENT ÉLÉVÉ EN MÉMOIRE DE LA BATAILLE DU 26 AOÛT 1812

PAR UN VÉTÉRAN DE L'ANNÉE 1812

St. Pétersbourg, 14 octobre 1839. L'imprimerie de N. Gretch. В 8-ю д. л. 17 стр.

А вот и еще излияние русских патриотических чувств на французском языке!.. Что̀ сказать об этих чувствах-колонистах, лишенных родной почвы, родного климата и родного неба? Они немножко бледны, немножко вялы: перемена отечества, кажется, сильно подействовала на них и произвела в них изнурительную лихорадку, следствие «тоски по родине»... Русское чувство глубоко, сильно и могуче, оно не уляжется в жидкую французскую фразу, если его самого не разжидить заблаговременно.

‹«Отеч. записки», 1840, VIII, № 1, отд. VI, стр. 56›.

Авторство Белинского для двух публикуемых выше миниатюрных рецензий устанавливается на основании следующих данных:

1. Книжки изданы в Петербурге, а петербургскими изданиями беллетристического характера занимался преимущественно Белинский. В рецензии на «Повести Марьи Жуковой» («Отеч.записки», 1840, № 2) Белинский писал, что «первые полтора месяца нового 1840 года были очень неблагоприятны‹...› для „Отеч. записок“: книжный неурожай был так велик, что почти не о чем и нечего было им поговорить со своими читателями»

(V, 212). Именно в это время и поступили на рецензирование обе брошюры; они не могли не привлечь к себе внимание Белинского, незадолго до того уже писавшего о «Бородинской годовщине».

2. Резкие оценки французов и французского языка в это время были характерны именно для Белинского. Ср., например, следующие высказывания из других статей критика: «Гений французского языка и французской литературы, отличающихся характером какого-то прозаизма...» (VI, 260). «Величие в великих делах у французов состоит в помпе, реторической шумихе и вычурной парадности—характеристическая черта их народности...» (III, 415). «Французский язык, этот бедный, жалкий язык имеет необыкновенную способность опошливать все, что не водевиль или не громкие фразы, — две крайности, составляющие жизнь французского народа...» (III, 342) и т. д.

Подобные высказывания у других рецензентов «Отечественных записок» не встречаются.

3. Яркие патриотические реплики в обеих рецензиях о русском чувстве, которое «глубоко, сильно и могуче», противопоставление его «чувствам-колонистам, лишенным родной почвы, родного климата и родного неба» чрезвычайно близки по своему характеру к широко известной тираде негодующего Белинского: «...Космополит есть какое-то ложное, двусмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный, туманный призрак, а не яркая живая действительность; вот почему, например, русский, случайно проведший в Париже свое младенчество и в чуждой его родной сущности (субстанции) стране принявший первые живые впечатления бытия, представляет из себя какого-то амфибия, уродливого и отвратительного, как все амфибии; вот почему человек, для которого ubi bene ibi patria, есть существо безнравственное и бездушное, недостойное называться священным именем человека» (IV, 407). Характерно, что эти строки были написаны Белинским почти одновременно с публикуемыми рецензиями и помещены в предыдущей книжке «Отечественных записок».

4. Имеются в рецензиях и прямые текстуальные совпадения с другими рецензиями Белинского. Приводим наиболее убедительное из них. В той же книжке журнала в рецензии на «Очерки русской литературы Н. Полевого» Белинский назвал «Историю Российского государства» Карамзина «дивной резьбой на меди и мраморе» (V, 112). Так же «на меди или мраморе выгравированными» в рецензии на «Epître...» характеризуются стихи Пушкина. То обстоятельство, что совпадение имеет место в одной и той же книжке журнала, полностью исключает возможность заимствования — вольного или невольного — со стороны другого рецензента. Вдобавок, такое же сравнение встречается и в позднейшей рецензии Белинского на 9—11 тома Соч. А. Пушкина: «История Пугачевского бунта“, пером Тацита писанная на меди и мраморе» (VI, 282).

< 7 >

ТОСКА ПО РОДИНЕ

ПОВЕСТЬ

СОЧИНЕНИЕ М. Н. ЗАГОСКИНА

Две части

Москва. В тип. Н. Степанова. В 12-ю д. л. В 1-й части — 222, во 2-й — 300 стр.

Имя г. Загоскина достаточно говорит и о достоинстве, и о характере его нового романа. Бедность содержания и местами растянутость выкупаются в «Тоске» многими забавными сценами русского простонародия. Слог плавный, чистый, правильный и живой. Вообще новый роман г. Загоскина ничем не ниже его прежних романов, исключая «Юрия Милославского», который, по своему достоинству, составляет как бы исключение из сочинений знаменитого нашего романиста.

<«Лит. газета», 1840, № 5, 17 янв., стр. 112>.

Сличение публикуемой рецензии с пространным отзывом на эту же книгу, помещенным Белинским в ноябрьском номере «Отечественных записок» за 1839 г., выявляет несомненную близость между ними. «Новый роман г. Загоскина, — писал в «Отечественных записках» Белинский, — отличается теми же недостатками, или, если угодно, теми же достоинствами, какими отличались прежние его романы ⟨...⟩ язык живой, плавный, увлекательный и правильный вместе с этим, а не только мертво-правильный, как в иных компактных изданиях, вылощенных рукою приятеля-грамотея» (V, 2, 11). В своих многочисленных отзывах Белинский всегда выделял «Юрия Милославского» из общей массы сочинений Загоскина как лучший его роман. В рецензии на роман «Искуситель» Белинский также отмечал «одушевленный, плавный, певучий слог» Загоскина.

⟨ 8 ⟩

ПЕСНЬ ОБ ОПОЛЧЕНИИ ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ МИХАИЛА ДЕ ЛА РЮ

Одесса. В Городской типографии. 1839. В 8-ю д. л. 78 стр.

«Слово о полку Игореве», как известно, не раз обращало на себя внимание наших ученых и поэтов. Первые, исследуя его в отношениях историческом и филологическом, хотели уяснить и очистить его критически; вторые, увлекаясь поэтическою стороною этого древнейшего памятника русской поэзии, стремились воспроизвесть его в художественном отношении; много было споров между нашими учеными, и дело по сию пору не решено, и может быть долго еще не решится, а между тем нельзя не поблагодарить от души наших поэтов, которые с такой любовию занимаются этим драгоценным памятником старины. Их поэтическое чувство иногда может уяснить дело более, нежели холодная критика ученого, чему доказательством служит настоящее переложение г. Де Ла Рю: прочитав его, вы до такой степени увлекаетесь поэтической стороной этого памятника, что он представляется вам полным художественным произведением, и в душе вашей возникает невольная досада против скептической критики, которая хочет отнять у вас это прекрасное произведение и иногда представляет такие аргументы, что поневоле призадумаешься... Г. Де Ла Рю переложил «Песнь об ополчении Игоря» звучными, прекрасными гекзаметрами, которые чрезвычайно хорошо подходят к характеру этой «Песни».

Издание книги, в типографском отношении, прекрасно.

⟨«Лит. газета», 1840, № 7, 24 янв., стр. 157—158⟩.

Об этой книге Белинский поместил рецензию в первом номере «Отечественных записок» за 1840 г. «Г. Де Ла Рю, — писал Белинский, — имел самое благое намерение— не входя в ученые разыскания и исследования о достоверности известного „Слова о пълку Игореве Игоря сына Святъславля“, переложить его в нынешние звучные, гладкие гекзаметры, чтоб сделать доступным для всех читателей, которым непонятен язык этого древнего памятника ⟨...⟩ Г. Де Ла Рю действовал тут как поэт и как критик-археолог, — и, как поэт, исполнил свое дело с совершенным успехом: его гекзаметры ⟨...⟩—истинный подарок для читателей; их с удовольствием прочтет всякий — и верующий и неверующий в древность и великорусское происхождение этой поэмы» (V, 90 — 91).

В несколько более позднем отзыве о «Слове» Белинский писал: «„Слово о пълку Игореве“ подало повод к жестокой войне между нашими археологами и любителями древности: одни видят в нем дивное произведение поэзии, великую поэму, благодаря которой нам нéчего завидовать „Илиаде“ греков; другие отвергают древность его происхождения, видят в нем позднейшее и притом поддельное произведение⟨...⟩ Что касается до нас, мы решительно не согласны ни с теми, ни с другими⟨...⟩„Слово“ — прекрасный, благоухающий цветок славянской народной поэзии, достойный внимания,

памяти и уважения. Что же касается до того, точно ли „Слово“ принадлежит XII или XIII веку и не поддельно ли оно: на это сама поэма лучше всего отвечает, если только об ней судить на основании самой ее, а не по разным внешним соображениям» (VI, 361—362).

Сходство этих высказываний доказывает авторство Белинского.

< 9 >

ПОПРАВКА

В 3 № «Галатеи», в разборе «Утренней зари», изд. В. А. Владиславлевым, между прочим, сказано, что «Литературная газета» без ума от этого альманаха, и выписаны из 1 № Л. Г. в шутку пародированные стихи на известную оду Ломоносова, так:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит снова за собою
Литературной славы новый год.

В «Галатее» последний стих назван неудачной пародией. Точно, в таком виде эта пародия неудачна; но это не наша вина, а вина «Галатеи», которая, без ума, мечтая о славе, должно быть нечаянно ввернула в этот стих славу. Что делать! знать с языка сорвалось. В «Литер. газете», помнится, просто было сказано:

Выводит снова за собою
Литературный новый год!

Может быть, пародия эта действительно неудачна — как быть! Ведь и сама «Галатея» нынешнего года есть неудачная пародия на «Литературные прибавления к Русскому инвалиду» прошлого года, а мы молчали об этом...

<«Лит. газета», 1840, № 13, 14 февр., стр. 311>.

Так как именно Белинскому принадлежала и рецензия на «Утреннюю зарю» в «Литературной газете» и пародийная цитата из Ломоносова, искаженная «Галатеей» (см. XIII, 32), вполне естественно предположить, что не кто другой, как Белинский, набросал публикуемую выше «Поправку», заклеймившую недобросовестность московского журнальчика. Стилистические особенности заметки, равно как и характерные для Белинского уничтожающие отзывы о «Галатее» (ср. IV, 210; V, 240 и др.) убедительно свидетельствуют о его авторстве. В цитате, приведенной из «Галатеи», есть еще одно искажение, не замеченное Белинским: вместо «прохладных вод», как было в «Литературной газете», в «Галатее» напечатано: «спокойных вод».

< 10 >

ПРЕКРАСНЫЙ, *(запятая!)* МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

РОМАН ПОЛЬ-ДЕ-КОКА

С портретом автора. Санктпетербург. 1840. В тип. Конрада Вингебера и Сычева. В четырех частях. В 12-ю д. л. В I-й части 141, во II-й—144, в III-й—131, в IV-й 147 стр. с эпиграфом:

«Nous plaisons plus souvent, dans le commerce de la vie, par nos défauts que par nos bonnes qualités».

Maximes de la Rochefoucauld.

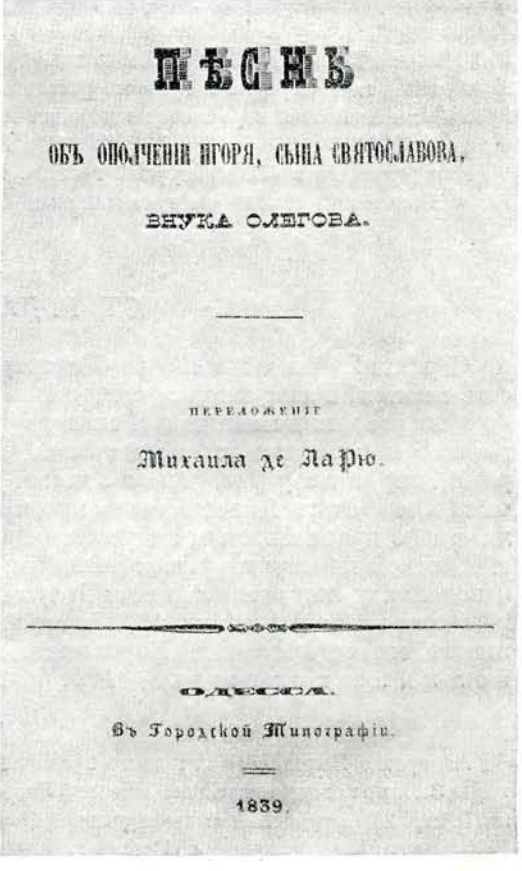
Этот «Прекрасный, молодой Человек», с запятою и в четырех частях, есть «Un jeune homme charmant» без запятой и в двух частях, новый и очень занимательный роман Поль-де-Кока, вышедший в самой

Франции только в прошлом 1839 году. Почитателей таланта забавного парижского сказочника ожидает неисчерпаемое наслаждение: весельчаки найдут чему посмеяться, а души чувствительные — и поплакать. В «Прекрасном молодом человеке» очень живо рассказывается о том, что̀ может быть и действительно бывает, и потому чтение этого романа всякому может принести гораздо более удовольствия, нежели «Notre Dame de Paris», какой-нибудь «Аббаддонна» и другие подобные произведения — неистовые и сентиментальные, в которых очень дико рассказывается о том, чего не может быть и не бывает. Перевод не дурен. Портрет необыкновенно дурен, но и за него все-таки спасибо издателю: благодаря ему, многочисленные почитатели Поль-де-Кока увидят, что их любимый автор очень похож на доброго и честного немецкого булочника, и что у него в лице — «физиономия и размышление».

‹«Лит. газета», 1840, № 16, 24 февр., стр. 378—379›.

Несколько ироническое, но явно благожелательное отношение Белинского к Поль-де-Коку отразилось во многочисленных высказываниях критика о «забавном парижском сказочнике». Не вступая в общий хор рецензентов, лицемерно твердивших о крайней безнравственности французского бытописателя, Белинский постоянно подчеркивал здоровые, реалистические стороны произведений Поль-де-Кока, противопоставляя их «кровавым нелепостям» французской романтической школы в лице ее прославленных вождей — Гюго, Дюма и др.

Публикуемая нами анонимная рецензия на роман Поль-де-Кока «Прекрасный молодой человек» имеет все характерные признаки авторства Белинского. Об этой же


ПѢСНЬ

ОБЪ ОПОЛЧЕНІИ ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,

ВНУКА ОЛЕГОВА.

ПЕРЕЛОЖЕНІЕ

Михаила де Ла Рю.

ОДЕССА.

Въ Городской Типографіи.

1839.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ИЗДАНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ПЕРЕЛОЖЕНИИ М. ДЕ ЛА РЮ

Этой книге посвящена не известная ранее рецензия Белинского в «Литературной газете» № 7 за 1840 г.

книге Белинский одновременно дал отзыв во втором номере «Отечественных записок», вышедшем в середине февраля 1840 г. (XII, 227—228). Достаточно сопоставить обе рецензии, чтобы убедиться, что они написаны одним и тем же автором.

Отметив, по обыкновению, энергическим восклицательным знаком нелепую запятую в заголовке книги, Белинский остроумно иронизирует над «прекрасным молодым человеком с запятою и в четырех частях». Подобным же образом критик позднее «обыгрывал» ошибочную пунктуацию в другой книге: «Хотя молодой человек, написавший эти записки, и не просто молодой человек, как все молодые люди на белом свете, но молодой человек в стихах, следовательно принадлежащий к особенной породе молодых людей, однако это не мешает его запискам быть пустыми и нелепыми ⟨...⟩ Вот образчик юмора „молодого человека в стихах“⟨...⟩ Такие стихи писать легко всякому, не только „молодому человеку в стихах“. Потому-то „молодой человек в стихах“ обещает книжки вторую, третью и т. д.» (VIII, 503). Или, например: «Не знаем, право, что̀ это за г-жа Ребо в четырех частях...» (V, 283) и т. д.

В обеих рецензиях на «Прекрасного молодого человека» роман рекомендуется как «занимательный». «Забавным парижским сказочником» Белинский называет Поль-де-Кока неоднократно (см. III, 430; V, 13 и др.). Как и в публикуемой рецензии, Белинский в отзыве на «Прекрасного молодого человека», помещенном в «Отечественных записках», утверждает, что «талант Поль-де-Кока не подлежит никакому сомнению ⟨...⟩ Он пишет о том, что есть и бывает» (XII, 227).

Ср. также: «Поль-де-Кок не больше, как веселый рассказчик небылиц, которые очень походят на были... Далее: он для меня выше всех представителей идеальной и неистовой школы» (III, 430—431). «Маленькие парижские гении, которые изображают дикие страсти, клевещут на человеческое сердце и чернят свет божий, вот они-то смешны поистине, а не добрый, почтенный Поль-де-Кок» (IV, 202); «...Мы от всей души убеждены, что веселые, оригинальные и забавные, хотя нередко и грязные рассказы Поль-де-Кока в тысячу раз безвреднее кровавых нелепостей первоклассных гениев и талантов покойницы „юной литературы“ Франции» (IV, 306).

Как рецензию в «Литературной газете», так и рецензию в «Отечественных записках», Белинский заключает насмешливым описанием портрета Поль-де-Кока.

⟨ 11 ⟩

⟨ОТ РЕДАКЦИИ⟩

Странно! Мнения в «Репертуаре русского театра»!! Будто там есть мнения? Разве только странные, подобные приведенному здесь ⟨о Моцарте⟩, или мнению о «Ревизоре» (из той же статьи); по мнению автора, в «Ревизоре» нет ни вымысла, ни завязки, ни характеров, ни натуры, ни языка, ни идей, одним словом — ничего! Зато от г. Полевого он ожидает решения великой задачи о драматическом искусстве. Дай бог ему дождаться! Говорят, что г. Полевой приступил уже к решению этой задачи в новых своих драмах и водвилях, которые готовит к будущим бенефисам. Если же г. Полевой не решит ее, то мы должны будем возложить все упования наши на знаменитого его соперника г. Коровкина, на которого вообще мы возлагаем великие надежды.— *Ред.*

⟨«Лит. газета», 1840, № 24, 23 марта, стр. 571⟩.

Авторство Белинского для этого примечания, помещенного в «Петербургской хронике» З..., по поводу «странного мнения „Репертуара русского театра“ о Моцарте (1840, кн. 3, стр. 23)», определяется текстуальной близостью с более поздними высказываниями Белинского (см., например: «Оставь г. Коровкин водвиль и возьмись за трагедию,

драму и комедию, он явился бы достойным соперником г. Полевого не по одной многоплодной деятельности, но и по таланту» (V, 93). Такое же ироническое сопоставление Полевого и Коровкина как соперников см.: V, 231, 236, 241, 384. Высмеивание Белинским нелепых литературных мнений «Репертуара» — см. V, 161—167 и 235—236. Ту же цитату из «Репертуара» о Гоголе Белинский приводит позднее, в рецензии на «Репертуар русского театра» («Отеч. записки», 1840, № 4, ц. р. около 14 апреля 1840). Самый характер сноски, резкие, беспощадные высказывания о Полевом, писать о котором в журналах Краевского выговорил себе исключительное право Белинский (см. «Письма», I, 313—314), стилистические особенности, характерные для Белинского-полемиста, исключают предположение о том, что ее автором мог быть какой-нибудь другой сотрудник редакции «Литературной газеты».

< 12 >

ПОВЕСТИ МАРЬИ ЖУКОВОЙ. СУД СЕРДЦА. САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ. ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА. МОИ КУРСКИЕ ЗНАКОМЦЫ

С.-Петербург. В Гутенберговой тип. 1840. Две части. В 8-ю д. л. В I-й части 272, во II-й 283 стр.

В литературе, как и во всем, существует своя мода, свой господствующий вкус, свое временно характеристическое направление. Не пускаясь далеко, возьмем нашу русскую литературу: была пора — мы не знали, куда деваться от торжественных од; пришла пора другая — наши журналы, типографии и книжные лавки были завалены балладами; потом настало время поэм и стихотворных повестей à la Byron; тогда всеми нашими поэтами овладело отчаяние, на каждом шагу испытывали они утраты, каждый день были жертвою разочарования — и мы не знали, куда деваться от «элегических к у к у»! После того мы ударились в романы; в наше время роман о б а н к р у т и л с я, как весьма справедливо заметили Бальзаку французские книгопродавцы, и господствующим родом в беллетристике сделались п о в е с т ь и д р а м а. Кто ныньче не пишет драм и повестей, так точно, как прежде кто не писал романов? И еще прежде, кто не писал романических поэм и элегий? Талантливые и бесталанные, старые и малые, журналисты и критики, все ударилось в повести или в драмы, да еще как? Ныньче встречаетесь вы с знакомым;— он вам говорит, что написал п о в е с т ь; вы с ним не виделись дня три-четыре, встречаетесь снова, и уж он объявляет, что у него готова д р а м а. Только и слышите со всех сторон: «повесть» или «драма», «драма» или «повесть»!

Само собою разумеется, такое предпочтительное направление известного рода в литературе всегда имеет свое основание: начало обыкновенно возникает вследствие потребности, которая сама бывает следствием предшествовавших обстоятельств; потребность в литературе угадывается людьми, которые, в литературном смысле, стоят во главе своего времени и своего народа; если потребность угадана и положено начало к удовлетворению ее, это начало имеет успех, влияние, пробуждает деятельность и таланта и бездарности; мелкая промышленность не дремлет в таких случаях: куда конь с копытом, туда и рак с клешней. И вот, успех производит подражателей,— и литература наводняется то романтическими поэмами, то романами, то повестями, то драмами.

При таких оказиях всегда повторяется одно и то же явление: чистое и светлое остается и блестит на поверхности; сорное и тяжелое падает на дно. Из множества произведений одного рода уцелеют те, которые запечатлены силою таланта, а прочие пойдут на обвертку первых: так всегда было и всегда будет.

В наше время, когда писать повесть считают своим призванием и назначением в с е, к немногому числу этих всех без всякого сомнения должны мы отнести г-жу Жукову, которая в какие-нибудь два-три года успела обратить на себя внимание всей читающей публики и занять почетное место между русскими нувеллистами. Ее «Вечера на Карповке» вышли уже вторым изданием, а между тем г-жа Жукова писала и печатала в журналах — и у нее набралось еще два тома повестей, которые мы теперь рекомендуем публике.

Из этих повестей две знакомы читающим русские журналы: «Падающая звезда» была напечатана в «Отечественных записках», «Мои курские знакомые» в «Библиотеке для чтения». Другие две являются в свет в первый раз.

При современной охоте писать и рассказывать повести, нам столько приходится перечитывать их, что мы слишком мало скажем, если на каждый день положим по одной повести; одни литературные журналы, для которых повесть conditio sine qua non, сколько наделяют ими нашу публику! А ведь, кроме повестей журнальных, у нас выходят еще отдельные собрания рассказов, былей, повестей всех родов, цветов и форматов; счастие мало балует нас хорошими произведениями в этом роде, насылая напротив кучи разного литературного хлама и мусора; зато как и обрадуешься, встретив между грудою вялых сочинений жалкой бездарности живое создание, свежее, поэтическое!

И так точно обрадовались мы, читая повести г-жи Жуковой: сколько удовольствия, сколько наслаждения доставили нам они, и наслаждения совершенно нового! Это произведения самобытные, не носящие на себе признака подражательности ни в содержании, ни в характере действующих лиц, ни в манере рассказа, ни в силе. Вы переноситесь в новый мир, читая страницы, в которых так простодушно, так верно сказывается сердце женщины, с его сокровенными изгибами, с его человеческими интересами, с его внутреннею, глубокою жизнию, с его тонкою наблюдательностию — наблюдательностию с е р д ц а, а не ума, заметьте!— со всем тем, что составляет целый, особенный мир сердца женщины, преображающийся в то время, когда на него смотрит и высказывает его мужчина, и являющийся в другом виде, с другими оттенками, когда это сердце высказывается устами женщины... Да, повести г-жи Жуковой в е ю т ж е н щ и н о ю, если можно так выразиться: только женщина может так глубоко и верно понять женщину, подсмотреть ее задушевную жизнь, только она в состоянии заметить такие тонкие, для мужского глаза недоступные черты.

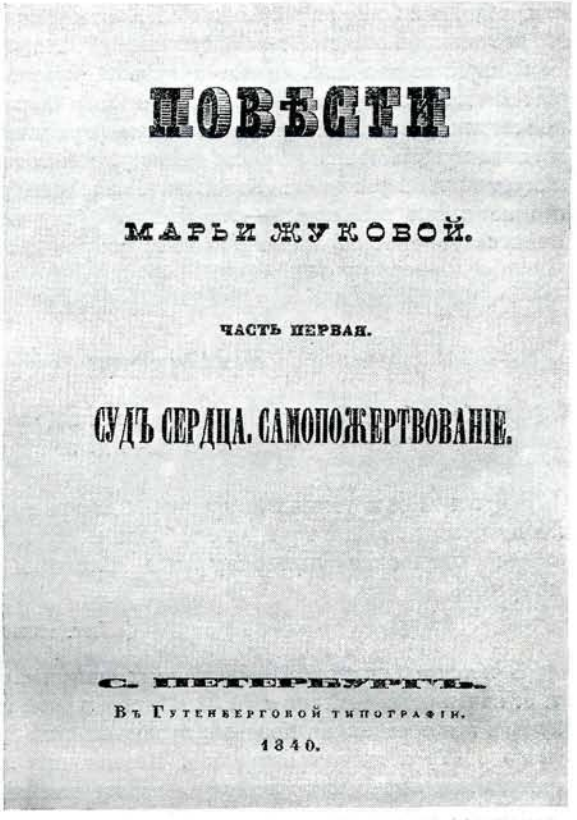
Великий талант поэта-мужчины может создать женское лицо, которое будет глубоко очаровательно, художественно, может быть еще более; но это создание всегда будет лицо идеальное, а не портрет, снятый с природы; при том создании вы скажете: «да, так м о ж е т быть», а при этом: «иначе быть н е м о ж е т».

И в сем отношении повести г-жи Жуковой превосходны: ее женские портреты нарисованы разительно верно; по ним мы, мужчины, можем изучать женщину. Но с другой стороны, мужские фигуры у г-жи Жуковой очерчены слабее, поверхностнее; они по большей части находятся на втором плане картины, и оставляют в воображении читателя отпечаток слабый, более памятный по своему пластическому очертанию, нежели по глубине своего внутреннего значения.

Но верность и мастерство изображения женских портретов не есть еще единственное достоинство повестей г-жи Жуковой; нет, она чарует прелестию рассказа, заманчивого, одушевленного, согретого теплотою чувства; в ее картинах нет никаких лишних, утомительных подробностей; ее описания сжаты, но полны, энергичны; в тех случаях, когда г-жа Жукова хочет написать группу, и в этой группе есть лицо женское, она всегда

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЧАСТИ ПЕРВОЙ ПОВЕСТЕЙ МАРЬИ ЖУКОВОЙ

Повестям М. Жуковой посвящена не известная ранее рецензия Белинского в «Литературной газете» № 26 за 1840 г.


ПОВѢСТИ

МАРЬИ ЖУКОВОЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СУДЪ СЕРДЦА. САМОПОЖЕРТВОВАНІЕ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Гутенберговой типографіи.

1840.

умеет придать этому лицу такую позу, которая очарует вас грациозностию.

Наконец, не малое достоинство повестей г-жи Жуковой заключается в прекрасном слоге, которым могут похвалиться немногие современные русские нувеллисты.

Издание книги весьма красиво.

〈«Лит. газета», 1840, № 26, 30 марта, стр. 613—616〉.

За две недели до появления этой рецензии Белинский поместил в «Отечественных записках» большую статью о «Повестях Марьи Жуковой». Оба отзыва о Жуковой настолько близко совпадают и по мысли и по выражениям, что принадлежность Белинскому рецензии, помещенной в «Литературной газете», становится несомненной. Достаточно сопоставить заключительный абзац публикуемой нами рецензии с соответствующим местом в статье «Отечественных записок», чтобы убедиться в полной идентичности: «Талант рассказа и в особенности полнота живого, горячего женского чувства составляют главное достоинство повестей г-жи Жуковой, и достоинство высокое〈...〉— писал Белинский в «Отечественных записках». — Говорят, что г-жа Жукова прекрасно изображает женщин: это правда — ее женщины и умнее, и любящее, и истиннее ее мужчин〈...〉 Когда дело идет о литературных произведениях, не чуждых поэзии, но чуждых художественности, женщина лучше, нежели мужчина, может изображать женские характеры, и ее женское зрение всегда подметит и схватит такие тонкие черты, такие невидимые оттенки в характере или положении женщины, которые всего резче выражают то и другое и которых мужчина никогда не подметит. Но точно так же и женщина должна далеко уступить мужчине в изображении мужских характеров и положений〈...〉

Итак, полнота горячего чувства, верность многих положений, истина в изображении многих черт и оттенков женских характеров, искусный, увлекательный рассказ

и, прибавим к этому, прекрасный слог, которым и мужчины редко владеют у нас, — вот достоинства повестей г-жи Жуковой» (V, 215, 217—218).

В качестве дополнительного аргумента укажем на то место в рецензии, где встречается часто повторяемая Белинским жалоба на необходимость перечитывать огромное количество разного литературного хлама, среди которого только изредка встречается истинно художественное произведение. Отметим также, в pendant к выражению в публикуемой нами рецензии: «Кто ныньче не пишет драм и повестей, так точно как прежде кто не писал романов?»—следующую фразу из другой, более поздней, рецензии Белинского: «Кто не пишет в наше время романов и повестей?» (VIII, 232).

< 13 >

ТРИ ПЕСНИ ПАТРИОТА

С.-Петербург. В тип. III-го Отделения Депар. Минист. Госуд. Имущ. 1840. В 12-ю д. л. 24 стр.

В этих «Трех песнях патриота» нет трех стихов порядочных. Да и может ли называться патриотом такой «сочинитель», который размножает в своем отечестве литературные плевелы и пустоцветы? — Какой он патриот!

<«Лит. газета», 1840, № 32, 20 апр., стр. 754>.

В четвертой книжке «Отечественных записок», вышедшей в середине апреля 1840 г., т. е. почти одновременно с № 32 «Литературной газеты», в котором находится публикуемая выше рецензия, помещен крошечный, но столь же убийственный отзыв Белинского о «Трех песнях патриота». Невозможно предположить, чтобы эта ничтожная книга была передана другому рецензенту для составления отзыва в две-три строки. Чеканная, афористическая форма этой критической миниатюры чрезвычайно близка к индивидуальной манере Белинского. Ср., например, в другой, более поздней рецензии Белинского: «Чувство любви к отечеству — благородное и возвышенное чувство; но оно должно высказываться не в плохих виршах...» (VII, 164).

< 14 >

МОЛОДАЯ СИБИРЯЧКА. ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Перевод с французского А. Попова

С.-Петербург. В тип. К. Крайя. 1840. В 12-ю д. л. X и 141 стр.

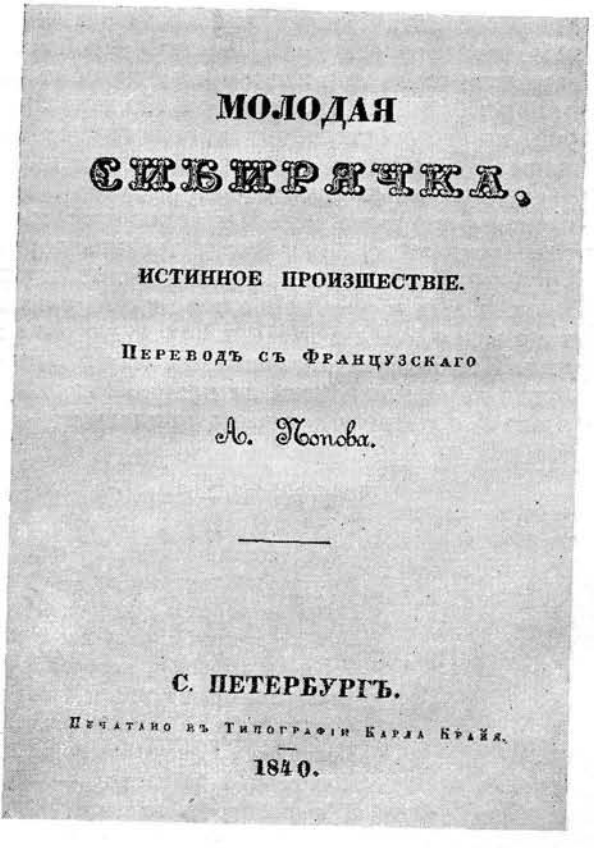
«La jeune Sibirienne» есть не что иное, как рассказ невымышленного происшествия, случившегося в начале царствования покойного императора Александра. Книжка эта написана графом Ксавье де Метром, или, как называет его русский переводчик, Ксаверием Местром. Героиня этого рассказа — Прасковья Лупалова, дочь ссыльного, пришедшая пешком из Сибири, чтобы выпросить прощение своему отцу. Это необыкновенное происшествие послужило уже раз предметом романа для г-жи Коттен, которая однакож исказила истину разными романическими бреднями и благородный характер Лупаловой представила совсем не в настоящем виде, лишив его через это чистоты, величия и высокой занимательности. Г. Полевой из подвига Лупаловой написал драму «Параша Сибирячка», которая благодаря занимательности самого сюжета и игре артистов имела успех на нашей сцене. Но ни роман г-жи Коттен, со всеми романическими приделками, ни драма г. Полевого, со всеми театральными эффектами не займут и не тронут вас до такой степени, как этот простой б и о_

графический рассказ о беспримерном подвиге молодой девушки, которая с геройским самоотвержением, с бесконечно глубокою верою в милосердие царя небесного и в великодушие царя земного, совершила дело, едва вероятное! Сколько претерпела она ужаснейших бедствий на пути далеком, сколько раз голодала она по целым дням, без пристанища, без ночлега, без теплой одежды среди лютой зимы!.. Без умиления невозможно читать этого простого описания ее истинно-драматической жизни, и мы рекомендуем эту книжку всякому, потому что всякий прочтет ее с величайшим участием. Советуем давать ее в руки детям, а кто может, грамотным простолюдинам: это прекрасная повесть для простого народа. Перевод мог бы быть несколько лучше. Кажется, он сделан слишком наскоро.

⟨«Лит. газета», 1840, № 35, 1 мая, стр. 821—822⟩.

В отзыве на эту же книгу, помещенном позднее в пятой книжке «Отечественных записок», Белинский писал: «Вот истинная, а не поддельная история Параши Сибирячки, история простая, без прохожих, без эффектных сцен на Кремлевской площади, без эффектных плясок под сантиментальную музыку, но тем более трогательная и возвышающая душу... Бедная молодая девушка, дочь природы, с глубоким религиозным чувством и бесконечною любовию, одна, без денег, без опытности, идет из глуши Сибири в Петербург ⟨...⟩ Высокое, отрадное и при всем том такое простое явление... Удивительно ли, что чтение этой маленькой повести производит на душу такое сильное впечатление?» (V, 282).

Обе рецензии чрезвычайно близки и по мысли и стилистически. В обеих особенно подчеркивается истинность происшествия, описанного в «Молодой Сибирячке», и отмечается, что этот простой, безыскусственный рассказ гораздо более действенен,



МОЛОДАЯ
СИБИРЯЧКА.

ИСТИННОЕ ПРОИЗШЕСТВІЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

А. Попова.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Карла Крайя.

1840.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ИЗДАНИЯ ПОВЕСТИ КСАВЬЕ ДЕ МЕСТРА «МОЛОДАЯ СИБИРЯЧКА» В ПЕРЕВОДЕ А. ПОПОВА

Этому изданию посвящена не известная ранее рецензия Белинского в «Литературной газете» № 35 за 1840 г.

чем все «театральные эффекты» Н. Полевого. Ту же мысль проводит Белинский и в более поздней рецензии на это же произведение: «Эта книжка интересна по событию, истинному и прекрасному, которое в ней описано⟨...⟩ Успех книжки графа де Метра и комедии г. Полевого основан единственно на нравственной красоте события, а отнюдь не на литературных достоинствах изложения» (IX, 171).

Эти совпадения, а главное то, что отзыв в «Лит. газете» на две недели предшествовал отзыву в «Отечественных записках», делает несомненным авторство Белинского.

⟨ 15 ⟩

ЖИЗНЬ ВИЛЛЬЯМА ШЕКСПИРА, АНГЛИЙСКОГО ПОЭТА И АКТЕРА; С МЫСЛЯМИ И СУЖДЕНИЯМИ ОБ ЭТОМ ВЕЛИКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Русских и иностр⟨анных⟩ писателей:

Н. А. Полевого,	Гёте,
П. А. Плетнева,	Шлегеля,
Л. А. Якубовича	Гизо,
	Вилльмена.

С портретом Шекспира. Москва. В тип. Н. Степанова. 1840
В 8-ю д. л. IV и 52 стр.

Творение, принадлежащее г. А. Славину, всем известному актеру московского театра, и посвященное П. С. Мочалову. В посвящении автор говорит: «Кому приличнее посвятить биографию Шекспира, как не тебе, мой превосходный Гамлет!» Чтобы понять вполне, как г. Славин держится этого приличия, надобно вам знать, почтенные читатели, что он дебютировал на московской сцене в роли Гамлета, той самой, в которой, по его собственному признанию, г. Мочалов превосходен, неподражаем. Не дивитесь смелости новичка, который для первого опыта в сценическом искусстве избрал первоклассную роль одного из первоклассных артистов: мы сами дивились сначала этой смелости, этому, как говорили некоторые, буйному знакомству с публикой, но потом, вспомнив, что в неисчерпаемых тайниках души человеческой есть многое, о чем мечтать не смеет наша мудрость, перестали ахать от удивления. Посвящение оканчивается вольными стихами, в которых как будто нет смысла (так, по крайней мере, кажется после троекратного их чтения) и которые мы здесь прилагаем:

Завидую тебе, поэт!
Родился ты — века бессмертие пропели хором
Тебе!.. И что ж? Поэт
С людьми живет,
Упитанный хвалами их — позором!..
Поэт! не дорожи земными похвалами!
Они не для тебя: твое все в небесах...
Ты верь в судьбу, которая над нами;
Склонись пред ней: ты мысль ее... Ты прах!..
Судьба тебя на землю призвала,
Величием надзвездным подарила,
Питомцем неба назвала —
И гений твой усыновила.

Последние четыре стиха, как всякий видит, отзываются подражанием Пушкину; в «Борисе Годунове» есть такое место:

Тень Грозного меня усыновила,
Д⟨и⟩митрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила,
И в жертву мне Бориса обрекла.

Г. Славин умеет настроивать свою лиру на поэтический лад так же прилично, как прилично настроил лиру свою в «Гамлете» на образец Мочалова.

За посвящением идет эпиграф собственного изделия: «Чем более будем мы говорить о Шекспире, тем менее скажем». Из этого не следует однако ж обратное предложение: «Чем менее поговорим о Шекспире, тем более скажем». Доказательством служит брошюрка г-на Славина, где наговорено слишком мало, а сказано еще меньше. Но если автор ничего не сказал о Шекспире, ни в стихах, ни в прозе, то многое пересказал из того, что говорили о Шекспире другие, иностранные и отечественные писатели, например Гёте и г. Полевой. Эта часть его сочинения — самая оригинальная. Не станем распространяться о мнениях Гёте, Гизо, Вилльмена и Шлегеля: вы их давно знаете из журналов двадцатых годов; нет, любопытство ваше должно найти себе пищу более сочную, более редкую, диковинную.

Описав попытки русского знакомства с Шекспиром, г. Славин говорит:

«Наконец, наш родной, русский поэт Н. А. Полевой понял, как надобно знакомить русских с английским поэтом, и подарил нас переводом Гамлета. Россия пришла в восхищение; сначала любовалась она Гамлетом, как созданием, прекрасным на сцене; а после начала постигать понемногу духовную его сторону и восхищаться красотами Шекспира» (стр. III).

И потом на стр. 18:

«Вот что говорит о Шекспире краса России, философ и литератор русский, Николай Алексеевич Полевой в письме: о Сне в летнюю ночь, помещенном в одном из №№ Телеграфа и посвященном какой-то даме...»

Прекрасно, чудесно! Г. Славин очень прилично хвалит, и эти строки его брошюрки принадлежат к одному разряду с его игрой в «Гамлете» «Разбойниках» и проч. Если он не вполне постиг мирового Шекспира, то с удивительным искусством разоблачил русского философа и поэта, красу России, Н. А. Полевого, проник в неисчерпаемые тайники души его и открыл в них многое, о чем не смела мечтать наша мудрость.*

Но вот еще любопытнее место:

«Г-н В. Белинский, один из ученых последнего десятилетия, влюбленный в Шекспира и, как видно из его суждений о Шекспире, понимающий его умно, дельно и беспристрастно», заговорил о Шекспире, разбирал его драмы, писал о них, и все с жадностью читали его, верили ему и, увлеченные силою его слова, еще более начали уважать великого Шекспира» (стр. III).

---

* А в этом письме к какой-то даме есть, между прочим, прекурьёзное место: «Я пытался сделать особенное (?) исследование над Шекспиром: читал и соображал (!) его творения одно за другим в хронологическом порядке, как, по преданию, он сочинял их; это больше нежели любопытно». Когда же мы этого дождемся?..

Наконец, третье:

«Несмотря на возгласы многих, что у нас нет критики, мы с гордостью можем указать на Жуковского, Пушкина, Полевого, Сенковского, Краевского и некоторых других...» (стр. 23).

Grand merci! При всем уважении нашем к собственной нашей персоне, мы никак не осмеливаемся стать наряду с г. Полевым, философом, поэтом, красой России и удивлением вселенной!!.

<«Лит. газета», 1840, № 51, 26 июня, стр. 1172—1174>.

Принадлежность Белинскому публикуемой выше рецензии определяется следующими соображениями:

1. Почти одновременно, в шестой книжке «Отечественных записок» Белинский опубликовал отзыв на ту же книжку Славина (V, 285—288). Обе рецензии выдержаны в общей манере, написаны явно одним автором и взаимно дополняют друг друга.

2. Судя по последним строкам рецензии, она могла быть написана либо Краевским, редактором «Литературной газеты», либо Белинским, так как из всех критиков, упомянутых Славиным в приведенных цитатах, только эти два имели отношение к «Литературной газете». Вопрос об авторстве Краевского аннулируется как стилистической близостью к известной уже рецензии Белинского, так и анализом содержания. Бездарный московский актер и писатель-плагиатор Александр Павлович Протопопов (1814—1867), скрывшийся под псевдонимом А. Славин, дебютировал на сцене Московского Малого театра в ролях Гамлета и Карла Моора 18 мая и 1 июня 1839 г., т. е. именно в то время, когда Белинский находился еще в Москве. Это обстоятельство придает особую значительность строкам рецензии: «не дивитесь смелости новичка, который для первого опыта в сценическом искусстве избрал первоклассную роль одного из первоклассных артистов: мы сами дивились сначала этой смелости...».

Язвительные выпады против Н. А. Полевого, встречающиеся в рецензии (как известно, Белинский вытребовал себе у Краевского своего рода «монополию» на Полевого), также свидетельствуют об авторстве Белинского.

Любопытно отметить, что книжка Славина при жизни Белинского вышла еще в двух изданиях: в 1841 и 1844 гг. Предприимчивый автор второе издание своей брошюры посвятил уже не Мочалову, а своему влиятельному начальнику — «Его превосходительству господину директору императорских театров двора его императорского величества камергеру и разных орденов кавалеру Михаилу Николаевичу Загоскину». Перепечатывая предисловие к 1-му изданию, Славин к заключительной фразе: «Чего достоин мой труд, надеюсь услышать от гг. благонамеренных рецензентов» — сделал следующую сноску: «Да, от благонамеренных,—а не от подобных тем, которые писали о первом издании моей брошюры и которых от души извиняю. Ав<тор>».

В этом издании Славин сильно ослабил эпитеты, расточенные им ранее Полевому. Полевой здесь уже не «краса России, философ и литератор», а просто «достойный литератор русской» (стр. 94). Третье издание Славин счел нужным посвятить уже «Его превосходительству господину управляющему Калужскою губернией, двора его императорского величества камер-юнкеру Александру Николаевичу Хитрово». В этом издании автор уже совсем не прилагает эпитетов к имени Полевого, исключив даже слова «достойный литератор русской».

< 16 >

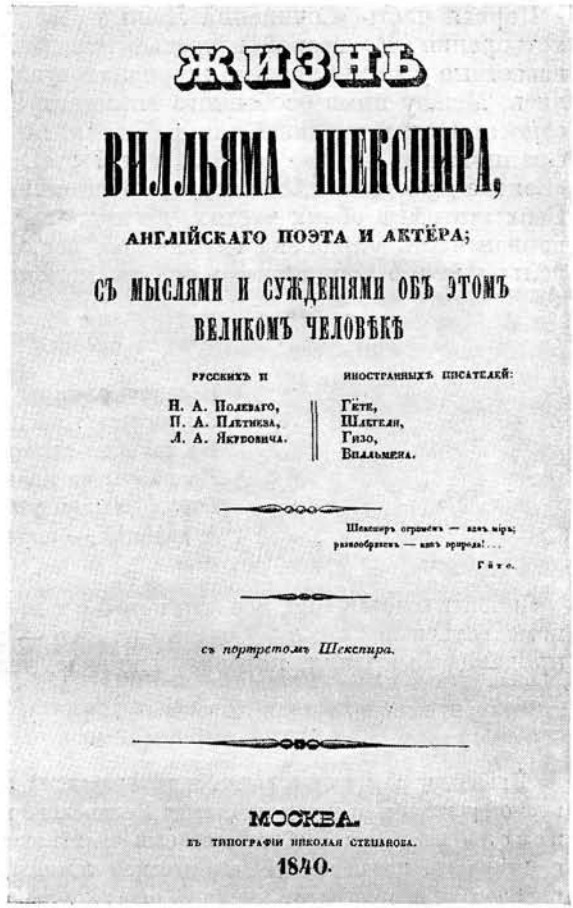
СОЧИНЕНИЯ В СТИХАХ И ПРОЗЕ ДЕНИСА ДАВЫДОВА, в трех частях

Второе издание, исправленное и дополненное. <Спб. 1840>.

Мы давно уже имели издание стихотворений нашего знаменитого партизана-поэта Давыдова, которыми еще в 1832 году подарил публику московский книгопродавец Салаев. Теперь издание это, впрочем довольно

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ А. СЛАВИНА «ЖИЗНЬ ВИЛЛЬЯМА ШЕКСПИРА»

Этой книге посвящена не известная ранее рецензия Белинского в «Литературной газете» № 51 за 1840 г.



ЖИЗНЬ

ВИЛЛЬЯМА ШЕКСПИРА,

АНГЛІЙСКАГО ПОЭТА И АКТЁРА;

СЪ МЫСЛЯМИ И СУЖДЕНІЯМИ ОБЪ ЭТОМЪ ВЕЛИКОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ

РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

Н. А. Полеваго, П. А. Плѣтнева, Л. А. Якубовича. | Гёте, Шлегеля, Гизо, Вилльмена.

Шекспиръ огромнѣе — какъ міръ; разнообразенъ — какъ природа!...

Гёте.

съ портретомъ Шекспира.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1840.

неполное, сделалось редко. А. Ф. Смирдин оказал многочисленным почитателям таланта Д. В. Давыдова истинную услугу, издав теперь полное собрание его сочинений. В начале первой части приложен очерк жизни Давыдова, написанный пером бойким и увлекательным. Хотя сам Давыдов говорит, что очерк этот составлен его другом и сослуживцем, О. Д. О —ским, но, пробегая эти строки, полные воинского и поэтического увлечения, невольно приходишь в искушение и не можешь отбиться от мысли, что этот очерк — не что иное, как автобиография. Между стихотворениями находим многие, которых не было в прежнем издании, но с которыми мы уже встречались в некоторых периодических изданиях. Многие из стихотворений Давыдова сделались достоянием народа: вот лучшая похвала, которую можно высказать покойному поэту. Он сам говорит:

Я не поэт — я партизан, казак,
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед кастальским током
Мой независимый бивак.
Нет! Не наезднику пристало
Петь, в креслах развалясь, лень, негу и покой;
Пусть грянет Русь военною грозой —
Я в этой песне — запевало.

Первая часть «Сочинений Дениса Давыдова» заключает в себе 54 стихотворения. Во второй и третьей части помещены статьи прозаические, известные уже публике по журналам и альманахам, в которых они являлись. Между ними особенного внимания заслуживают статьи, собственно относящиеся к партизанским действиям: вопрос о том, «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?»; «Встреча с великим Суворовым»; «Взятие Дрездена в 1813 году»; «Воспоминания о Кульневе в Финляндии». Всех статей, в обеих частях, двенадцать. Издание чрезвычайно опрятно; первая часть украшена картинкою, весьма хорошо исполненною, но довольно дурно сочиненною: она нисколько не выражает стихов —

Помню, други, вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вкруг огня
С красносизыми носами.
На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, шашки у бедра,
А диваном — кипа сена!

Сказать откровенно, все три части «Сочинений Давыдова» могли бы поместиться в одну часть, но это — маленькая спекуляция книгопродавца Смирдина, которая, впрочем, делает ему честь.

<«Лит. газета», 1840, № 69, 28 авг., стр. 1563—1565>.

Приводим в качестве решающего аргумента принадлежности Белинскому публикуемой рецензии отрывок из отзыва Белинского на то же издание, помещенного две недели спустя в «Отечественных записках»: «Новый книгопродавческий подвиг г. Смирдина, новая заслуга его русской литературе!<...> Как и все издания предприимчивого и деятельного Смирдина, оно не только опрятно, даже красиво<...> Но ныне вышедшее издание сочинений Давыдова не дает ответа на следующие вопросы: зачем оно в трех до-нельзя тоненьких книжечках, а не в одной книге, которой объем был бы сообразен с форматом?» (V, 391). Ср. также следующие отрывки из позднейшей рецензии Белинского с соответствующими местами из публикуемой нами рецензии:

«К первому изданию его стихотворений, сделанному в 1832 году московским книгопродавцем Салаевым, приложен легкий очерк его жизни<...> В кратком предисловии издатель известил публику, что этот очерк написан одним из сослуживцев Давыдова; но мы очень хорошо помним, что тогда никто этому не поверил, и все журналы назвали этот очерк автобиографиею, хотя сам Давыдов, или некоторые из близких к нему литераторов протестовали против этого, как против ошибки. При теперешнем издании сочинений Давыдова опять приложен с некоторыми изменениями этот же самый очерк<...> и новый издатель в кратком предисловии извещает публику, что автор этого Очерка — сослуживец Давыдова, покойный генерал-лейтенант О. Д. О — й<...> Как бы то ни было, но несмотря на личное свидетельство самого Давыдова, дело остается в „сильном подозрении“: до такой степени носит на себе этот „Очерк“ родовые приметы пера Давыдова и отличается таким добродушием, такою откровенностию, искренностию, такою удалою размашистостию и оригинальностию!» (VII, 519).

То обстоятельство, что публикуемая нами рецензия помещена раньше обоих цитируемых выше отзывов Белинского, делает нашу атрибуцию совершенно бесспорной: не считать же, что Белинский «заимствовал» мысли и отдельные выражения у какого-то безыменного рецензента «Литературной газеты»!..

‹ 17 ›

СИЦКИЙ, КАПИТАН ФРЕГАТА

СОЧ. КНЯЗЯ Н. МЫШИЦКОГО

Три части

Спб. 1840

Марлинский, как и всякий писатель с талантом, наделал много зла литературе. Он написал «Капитана Белозора» и «Фрегат Надежда», изволил опоэтизировать до идеала наших моряков от лейтенанта и мичмана до капитанов всех рангов, публика прочла его повести с удовольствием,— и вот захлестали в нее капитанами, сценами на море, морскими сценами... все море, все вода! Того и гляди, что вся литература пропадет от наводнения. «Сицкий» тоже роман водяной, который однако заключает в себе и сушь; притом это роман

Отменно длинный, длинный, длинный.
Нравоучительный и чинный
Без романтических затей.

Роман, который написан чуть-чуть не в восточном вкусе, где автор на каждом шагу подносит вам перлы метафор, славит Аллаха и его пророка. Цель сочинителя самая похвальная, нравственная, рассказ не лишен даже некоторого рода занимательности, преисполнен описаниями моря во всех возможных видах: при восхождении и закате солнца, при луне и в безлунную ночь, описаниями, которыми вероятно воспользуется первый компилятор, который затеет издать хрестоматию, но в целом романе есть за автором маленькая недоимка — именно — идея. Что и в нравственной цели, когда результат ее доказывает только, что белое не черно и наоборот или что $2 \times 2 = 4$. Впрочем, автор выступает в первый раз на поприще литературы, а мы приняли за правило не в пример другим журналам об начинающих не трезвонить во все колокола и не смешивать первородков их с прахом. Мы лавируем между обеими крайностями и на этом основании скажем: «Г. капитан Сицкий! Благородный, нравственный, горячий, капитан Сицкий! Идеал балтийского и черноморского флотов! Вы очень легко обогнули подводные камни критики! Ступайте с богом в обширное море русской читающей публики, в нем много фарватеров и есть плавание для всякого корабля, вам привѣтно светит Маяк. Ступайте, ступайте! Каждому свое! Желаем вам попутных ветров и чин контр-адмирала! Наше почтение!»

‹«Лит. газета», 1840, № 93, 20 ноября, стр. 2124—2125›.

Публикуемая выше иронически снисходительная рецензия на роман «Сицкий» появилась в номере «Литературной газеты» от 20 ноября 1840 г. Одновременно с ней в ноябрьской книжке «Отечественных записок» (ц. р. 14 ноября 1840 г.) была напечатана несколько более резкая рецензия Белинского на этот же роман. В обоих отзывах, написанных одновременно, имеется ряд общих особенностей, дающих возможность предположить, что они принадлежат одному и тому же автору. «Марлинский, как и всякий писатель с талантом, наделал много зла литературе. Он написал „Капитана Белозора“ и „Фрегат Надежда“, изволил опоэтизировать до идеала наших моряков от лейтенанта и мичмана до капитанов всех рангов...» —так начинается публикуемая нами рецензия. «Новое произведение литературной школы, основанной Марлинским — не тем он будь помянут! Оно носит на себе все родовые признаки своего происхождения: его герои все офицеры да еще морские; место действия — фрегат; действующие лица ничего не делают, а только говорят‹...›. Все они, на свое горе, прочли «Лейтенанта Белозора» и

особенно «Фрегат Надежду» Марлинского и с тех пор вообразили, что все морские офицеры должны быть души глубокие, которым Балтийское море — лужа, а сам океан — по колено, и что, не имея „дьявольски волканических страстей", нельзя и служить во флоте... Странное заблуждение!» — так говорится в рецензии Белинского в «Отечественных записках». «Каков весь этот морской роман?.. — заключает Белинский свою рецензию в «Отечественных записках»,— по достоинству поэтическому— он очень удачная штука на манер повестей Марлинского» (V, 439).

Типично для Белинского и следующее высказывание в рецензии «Литературной газеты»: «в целом романе есть за автором маленькая недоимка— именно —идея. Что и в нравственной цели, когда результат ее доказывает только, что белое не черно и наоборот или что 2×2=4».

< 18 >

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ(,) ИЛИ ЖИЗНЬ ИГРОКА
ДРАМА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

СОЧИНЕНИЕ ВИКТОРА ДЮ-ГАНЖА И ДИНО

Перевод с французского

Издание второе

Санктпетербург. В тип. Ильи Глазунова и К°. 1840. В 12-ю д. л. 142 стр.

Эта пьеса вся составлена из резких сценических эффектов, но ее эффекты имеют смысл и доброе намерение, и потому «Жизнь игрока» может доставлять публике большое удовольствие на сцене при хорошей игре и обстановке, и уже доставляла это удовольствие на театрах обеих столиц наших.

В чтении она тоже не без занимательности, по крайней мере, в тысячу раз лучше невинных произведений водевильной музы, которыми угощается известный разряд публики в «Репертуаре» г. Песоцкого. Перевод недурен. Странно только, что в нем встречаются такие выражения, как например: «девки несут корзины» (стр. 89). Слово девки имеет место только в ревизских сказках, равно как и слово жонки — да еще в русских помещицких домах, где беспрестанно раздаются клички: девка, малый, Ванька, Филька, Полашка, Машка и подобные им «славности», как выражается у нас один писака, плохо знающий русскую грамоту.

<«Отеч. записки», 1841, т. XIV, № 2, отд. VI, стр. 48—49>.

Окончание этой рецензии совпадает с позднейшим высказыванием Белинского в знаменитом письме к Гоголю — о стране, где «люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками», и является смелым выпадом против крепостного быта.

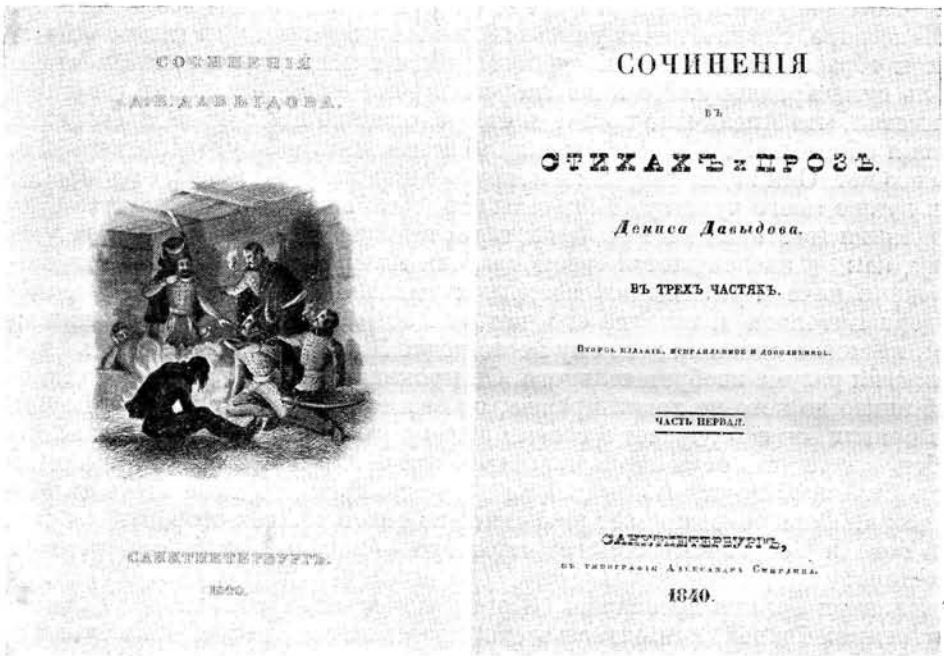
Насмешливая ссылка на выражение «славности», употребляемое «одним юмористом, прославившимся своим талантом на роменской ярмарке», встречается в рецензии Белинского на «Таблицу складов...» («Отеч. записки», 1841, апрель; Соч., XII, 255).

< 19 >

ЖУРНАЛЬНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Девятый выпуск переводимого г. Кетчером Шекспира, заключающий в себе «Ричарда III», заставил нас вспомнить, что есть какой-то старинный русский перевод этой драмы. Просмотрев его, мы увидели, что это по многим отношениям любопытная вещь, которая возбуждает в читателе чувство, похожее на то, с каким взрослый человек, роясь в своих бумагах,

находит нечаянно забытые стихи, или реторическое упражнение, писанное им во время детства. Переплет, бумага, печать, орфография, язык — все поражает в этом переводе мыслию, ка̀к далеко и в такое короткое время ушла Россия вперед даже и в литературном отношении. Списываем для любопытных простодушно-курьёзное заглавие этой редкости: «Жизнь и смерть Ричарда III. Короля Англинского, трагедия господина Шакеспера, Жившего в XVI веке, и умершего 1576 года. Переведена с Французского языка в Нижнем Нове-городе 1783 года. Печатано с дозволения Управы Благочиния. В Санктпетербурге 1787 года».



СОЧИНЕНІЯ
ДЕНИСА ДАВЫДОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1840.

СОЧИНЕНІЯ
ВЪ
СТИХАХЪ и ПРОЗѢ.
Дениса Давыдова.
ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.
Второе изданіе, исправленное и дополненное.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Александра Смирдина.
1840.

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ДЕНИСА ДАВЫДОВА

Этому изданию посвящена не известная ранее рецензия Белинского в «Литературной газете» № 69 за 1840 г.

В том же отношении не менее интересна:

ВЫПИСКА ИЗ МНЕНИЯ Г. ВОЛТЕРА
О ГОМЕРЕ, В КОТОРОМ СУДИТ
ОН И О ДОСТОИНСТВАХ ШАКЕСПЕРА АВТОРА СЕЙ ТРАГЕДИИ.

«Когда читал я Гомера, и усмотрел великие его недостатки, кои оправдают критиков, и красоты его еще величайшие, нежели недостатки его, то сначала поверить не мог, чтоб один и тот же разум сочинил все песни Илиады. В самом деле, мы не знаем ни у Латин ни у себя ни одного Автора, который бы возвысился толь высоко, и упал толь низко. Великий Корнелий, разум по малой мере подобной Гомеру, издав Цинну и Полиевкта, сочинил также Пертариту, Суренну и Агезилая; но Суренна и Пертарита, материи наипаче худо выбранные нежели худо составленные. Слабы сии Трагедии очень; но не наполнены нелепостями, противоречиями и ошибками грубыми. На конец, нашел я у Англичан, чего искал, и задача о славе

Гомеровой для меня разрешилась. Шакеспер первой их трагической стихотворец, почти не имеет в Англии другого звания, кроме Божественного. Я никогда не видел в Лондоне театра так полного, при представлении Андромахи Расиновой, весьма хорошо переведенной Филипием, или Катона Аддисонова, как во время представления старых Пиес Шакесперовых: но сии Пиесы суть уроды в рассуждении Трагедий. Некоторые из них есть такие, которые многие годы продолжаются, в первом действии Героя крестят, а в пятом умирает он от старости, представляются в них колдуны, мужики, пьяницы, дураки, могиляки, копающие могилу и поющие пьяные песни, играя мертвыми головами. Наконец вообразите себе все, что может быть наиболее уродливого и нелепого. Вы все то найдете в Шакеспере. Когда я начал учиться Англинскому языку, не мог понимать, каким образом Нация толико просвещенная может удивляться Писателю столь сумасбродному. Но коль скоро получил вящшее в языке сведение, приметил, что Англичане правы, и что дело сие не возможное, дабы целая Нация обманывалась в рассуждении чувств и находила удовольствие там, где его нет. Они видят так, как и я, грубые ошибки любимого их Автора, но они лучше моего чувствуют красоты его, тем более странные, что то суть блистания, светившие в ночь еще глубочайшую. Сто пятьдесят лет уже тому, как он наслаждается своею славою. Авторы после его бывшие, послужили паче к умножению нежели к умалению оной. Великий смысл Автора Катонова, и таланты его, которые соделали его Статским секретарем, не могли однакож дать ему место подле Шакеспера. Такова есть Привиллегия разума изобретательного. Он прокладывает себе дорогу, по которой никто до него не ходил прежде, он бежит без проводника, без науки, без правил, он заблуждает в своем пути, но далеко однакож оставляет за собою все то, что есть порядок и точность: таков почти был и Гомер: он сотворил свою науку и оставил не довершенную; творение его есть еще Хаос или Смешение, но свет уже сияет из оного со всех сторон».

А вот и образчик самого перевода — начало монолога герцога Глостера:

«Наконец Солнце преславное* Иорка ужасного прогнало Зиму наших внутренних браней, и приятная весна, наставшая после дней толь бурных, повергла во глубину Окиана затмевавшие светлейший дом наш! Венцы победоносные означают теперь пределы нашего владычества, и громады разнообразные сокрушенных воинских орудий представляют достопамятства вечной нашей славы. Вместо страхов жестоких, повсюду безопасность, и воинских наших походов звук устрашающий переменился в пение радостное. Уже расправила чело свое гордая Беллона, нет в ней ничего ужасного, как токмо для каких побежденных неприятелей, коих еще устрашает она с высоты гор наших, и прогнало теперь несогласия праздное в комнаты женские, где оно возбуждает к желанию воинов наших вступить в любовные битвы!..» и проч.

Да! свежо предание, а верится с трудом! Едва прошло 58 лет от этого перевода «Ричарда III» и уже у нас Шекспир давно переводится с подлинника и стихами и прозою! А уже как давно мнения Вольтера о Гомере и Шекспире кажутся на Руси жалко-простодушными!..

В 54 № «Московских ведомостей» нынешнего года помещена статья «Китайские нравы», переведенная из французского журнала «Cabinet de Lecture» Мы взглянули на эту статью, и каково было наше удивление.

---

* «Эдуард IV принял в свою девизу три Солнца, по причине трех Князей дому Иоркского».

когда, с первых строк ее, узнали в ней одну из статей нашего почтенного Дэ-Мина, помещающихся в нашем журнале еще с прошлого года! Не удивляемся, что полные интереса и достоверности статьи Дэ-Мина переводятся из «Отеч. записок» в иностранные журналы; но — признаемся — мы были несколько удивлены рассеянностию «Московских ведомостей», которые не поленились переводить с французского на русский и выдавать за новое то, что̀ переведено с русского французами и было напечатано по-русски, в таком журнале, о содержании каждой книжки которого сами же «Московские ведомости» извещают своих многочисленных подписчиков. А справиться было бы недолго: означенная статья напечатана в 3-й книжке «Отечественных записок» нынешнего года.

Поздравляем Россию с новым поэтическим гением. У нас были и Гомеры, и Шекспиры, и Байроны, и Вальтер-Скотты, и Гёте, и Шиллеры: не доставало только Беранжѐ. Теперь и этот недостаток восполнен. Где ж нашелся этот русский Беранжѐ? Мы давно его знали, только не знали, что он Беранжѐ. Мы все думали, что он просто — русский куплетист и русский водевилист, лицо, само собою разумеется, весьма скромное, едва заметное в нашей литературе. Но мы ошибались: честь и слава «Северной пчеле»! Сквозь свои критические стекла она открыла нового, неведомого миру русского гения. Этот гений, этот русский Беранжѐ — кто бы вы думали?— г. Ленский!.. Не изумляйтесь. Вот известие, слово от слова заимствуемое нами из 143 № «Северной пчелы»:

«В Петербург приехал на-днях отличный наш водевилист и артист московского театра Д. Т. Ленский. Кроме Пушкина, никто не превосходит г. Ленского в легкой поэзии. По несчастию, он мало пишет, а еще менее печатает. Переводы г. Ленского песен и лирических стихотворений удивительно хороши и нисколько не уступают подлиннику. Дружеские послания, застольные песни и куплеты, кстати и к случаю (à propos) г. Ленского имеют высокое достоинство. Г. Ленский — наш Беранжѐ, наш Дезожье! Как было бы хорошо, если б кто-нибудь вздумал издать его легкие стихотворения и переводы в особой книжечке, и украсил их политипажами! Нет никакого сомнения, что это издание имело бы чудесный успех! Г. Ленский так же любезен в обществе, как и прототип его Беранжѐ».

Вообще, в «Сев. пчеле» так много накопилось интересного, что непременно надо, в пособие будущему историку комеражной истории русской литературы (которая, говорят, уже написана известным сочинителем, почерки писателей уже налитографированы, и все готово к печати), составить из них нечто целое и отдельное. Особенно интересна новая выходка «Сев. пчелы» на «Мертвые души», а вместе с ними и на «Отеч. записки». Там спрашивают между прочим: что̀ значит выражение Гоголя: «ом у т ежедневно вращающихся образов?» На это мы дадим самый удовлетворительный ответ в следующей книжке «Отеч. записок»; но для этого нам нужно позапастись фактами из «Северной пчелы».

Вот самая свежая литературная новость: в последней половине июля месяца сего 1842 года вышли, в одной книжке, 11-й и 12-й №№ «Русского вестника» за ноябрь и декабрь прошлого 1841 года.

‹«Отеч. записки», 1842, т. XXIII, № 8, «Смесь», стр. 98—100›.

В июльской книжке «Отечественных записок» за 1842 г. Белинский впервые поместил свои «Журнальные и литературные заметки», во вступлении к которым писал: «Время от времени попадаются в журналах вещи курьёзно-поучительные, по поводу которых иногда невольно раздумаешься о том и о сём<...> Мы и приняли благое намерение, если не сохранить для потомства, то хоть сделать известными для современников редкости и драгоценности, которые, как оазисы в пустыне, попадаются в малоизвестных периодических изданиях. Равным образом, может попадаться много интересного в том или другом отношении и при перелистывании старых журналов, старых и новых книг. Всё такое мы намерены или пересказывать или просто выписывать, с собственными заметками, когда дело требует пояснения, или и без заметок, когда дело красноречиво говорит само за себя. Будучи уверены в занимательности подобных заметок для читателей, мы намерены сделать из них род постоянной статьи, время от времени помещаемой в отделе „Смеси" „Отеч. записок". Мы их называем просто „Журнальными и литературными заметками"» (VII, 270—271).

В следующей же, т. е. в августовской, книжке «Отечественных записок» появилась очередная группа «Журнальных и литературных заметок», почему-то оставшаяся незамеченной, несмотря на то, что авторство Белинского для нее совершенно очевидно. В этих заметках буквально исполняется приведенная выше программа, объявленная Белинским. Наряду с выписками, сделанными при «перелистывании старых книг», в ней имеются и «курьёзно-поучительные вещи» из текущей периодики. Подобные заметки под тем же точно (или инверсированным) названием Белинский помещал в «Отечественных записках» и в дальнейшем, и все они введены в его собрание сочинений (см. VII, VIII и XIII — по оглавлению).

Наша атрибуция подтверждается:

1. Стилистическим и композиционным единством с подобными же заметками Белинского.

2. Нахождением описанного в рецензии чрезвычайно редкого издания «Ричарда III» 1783 г. в личной библиотеке Белинского с пометками критика в цитируемом им предисловии (см. наше описание в предыдущем томе «Лит. наследства», т. 55, 1948, стр. 506).

3. Исключительным интересом Белинского к русской литературной старине. «Всякая книга, — писал Белинский,— напечатанная у Гари, Любия и Попова, гутенберговскими буквами, в кожаном переплете, порыжелом от времени, возбуждает все мое любопытство <...> Как бы ни нелепа была книга, как бы ни глуп был журнал, но если они принадлежат к сфере идей и мыслей, уже не существующих, если их оживляют интересы, к которым мы уже холодны, то эта книга и этот журнал получают в наших глазах такое достоинство, какого они, может быть, не имели в глазах современников: они делаются для нас живыми летописями прошедшего, говорящею могилою умерших надежд, интересов, задушевных мнений, мыслей <..>.» (III, 24). Описание старинного издания «Ричарда III» выдержано здесь совершенно в том же тоне.

4. В публикуемых нами заметках имеются следующие строки: «Особенно интересна новая выходка „Сев. пчелы" на „Мертвые души", а вместе с ними и на „Отеч. записки". Там спрашивают, между прочим: что значит выражение Гоголя „омут ежедневно вращающихся образов"? На это мы дадим самый удовлетворительный ответ в следующей книжке „Отеч. записок". Но для этого нам нужно позапастись фактами из „Северной пчелы"».

В следующей книжке журнала, в очередных своих «Литературных и журнальных заметках», вошедших в собрание сочинений, Белинский точно выполнил это обещание. Критик писал в них: «Вот на этот вопрос мы можем дать „Пчеле" удовлетворительный ответ, который понять ей будет легче, чем кому-нибудь другому. „Великим омутом ежедневно вращающихся образов" и „потрясающею тиною мелочей" поэт называет ту сторону жизни, которая прежде всякой другой охватывает человека и из-под обаяния которой освобождаются только немногие избранники Провидения» и т. д. (VII, 353).

Таким образом, авторство Белинского для публикуемых нами «Журнальных и литературных заметок» делается совершенно очевидным.

II. РЕЦЕНЗИИ В «СОВРЕМЕННИКЕ»*

Публикация Е. Кийко

Деятельность Белинского в «Современнике» является одним из важнейших этапов его литературной и политической биографии. Между тем не все статьи и рецензии Белинского, помещенные в этом журнале, могут считаться выявленными. Нам удалось недавно обнаружить в нем большую программную статью великого критика — о «Московском сборнике», направленную против космополитизма и реакционного славянофильства и до сих пор остававшуюся неизвестной (см. сборник «Белинский. Статьи и материалы», под ред. Н. И. Мордовченко. Издание Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, Л., 1950, стр. 9—39. Ср. «Лит. наследство», т. 57 — отдел Трибуна).

Ниже публикуются выявленные нами четыре не известные ранее рецензии Белинского, напечатанные в «Современнике». Они относятся к числу последних работ критика. Первая рецензия — о повести «Твардовский» — известного польского писателя И.-И. Крашевского, три остальные — о книгах для детей: как известно, Белинский на всем протяжении своей деятельности проявлял глубокий интерес к детской литературе.

За пределами настоящей публикации остались тексты следующих рецензий из «Современника» 1847—1848 гг., которые мы считаем, на основании произведенного нами изучения, также принадлежащими Белинскому: 1. «Светский человек, или руководство к познанию правил общежития, составленное Д. И. Соколовым» («Современник», 1847, № 5); 2. «Книга для чтения воспитанников сельских училищ» (1848, № 1); 3. «Современные заметки» (1848, № 2); 4. «Подарок детям на праздник».—«Первоначальный учитель» (1848, № 3).

< 1 >

ТВАРДОВСКИЙ. ПОВЕСТЬ, ВЗЯТАЯ ИЗ ПОЛЬСКИХ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЙ

ИОСИФА-ИГНАТИЯ КРАШЕВСКОГО

Три части

Издание второе. Спб. 1847

Подновленный романтизм, в конце прошлого столетия возникший в немецкой литературе и в начале нынешнего нашумевший много во всех других европейских литературах, с особенною надеждою устремился на источник народных преданий и суеверий. Покойник думал, что тут-то и скрывается поэзия и что отсюда не исчерпать ее во веки веков. Второстепенные таланты, приведенные в удивление успехами гениальных поэтов, толпою ринулись на легкую, по их мнению, добычу. Они не поняли, что источник поэзии не вне поэта, а в нем самом, что всякое явление действительности так же годится для поэтического изображения, как и не годится для него, что тут дело не в нем, а в поэте, в его способности увидеть предмет с его поэтической стороны, принять его в себя и провести через себя. Предание о Фаусте действительно существует в Германии; в Лейпциге-

* Включая публикацию четырех анонимных рецензий из «Современника» 1847—1848 гг. в раздел Из литературного наследия Белинского, редакция, тем не менее, не считает принадлежность их перу критика вполне установленной: материалы печатаются в порядке обсуждения предложенных Е. И. Кийко атрибуций.

Редакция

вам и теперь покажут тот погреб, из которого в одну прекрасную ночь вылетел Мефистофель, после занимательной беседы с чернокнижником, научившим людей искусству книгопечатания. Но что взял Гете из этого предания? одну грубую сказку, один внешний сюжет; но вся идея его драматической поэмы, весь смысл, вся поэзия ее принадлежит ему. Так ваятель берет кусок мрамора, в котором все другие видят не больше, как безобразную массу камня, и только он один видит прекрасную женскую фигуру с обольстительными формами тела. Камень произвела природа, но жизнь и душу вдохнет в него художник. Берите, сколько хотите, народные предания, но если у вас нет того, чем бы вы могли оживить их, у вас из них всегда будут выходить вздорные сказки, тогда как в устах народа эти предания иногда бывают не лишены поэзии. В таком случае, всего лучше передавать их в том виде, в каком вышли они из фантазии народа; но и тут нужно обладать поэтическим чувством, которое может быть и не у поэтов, чтобы увидеть поэтическую сторону народного предания, и положительным поэтическим талантом, который может быть только у поэтов, чтобы поэзия народного предания не охладела и потускнела, когда вы перенесете ее на бумагу.

У поляков был свой Фауст, живший, по преданию, в XVI столетии; это — пан Твардовский. Но что же сделал из него пан Крашевский? Презирая условиями века и времени, забыв, что это предание народное, он сделал из него нечто в роде современного романа. В его книге нет ни фантастического колорита, необходимого для естественности событий по существу своему неестественных и невозможных, ни юмора, с каким народ часто рассказывает бесовские похождения. Напротив, автор рассказывает самые чрезвычайные события, и на земле и в аду, и с людьми и с чертями, таким тоном, как будто бы дело шло о том, что бывает ежедневно и никого не удивляет. Только дочитывая третью и последнюю книжку его повести, узнаешь, что все это происходило в XVI веке, и то потому, что сам автор сказал об этом; из рассказа же этого вовсе не видно; напротив, думаешь, что автор передает вам очень недавнее происшествие. Нечего и говорить, что он не внес в эту сказку ничего своего, никакого взгляда, никакой идеи. Не ищите также в его книге поэтических мест, оригинальных описаний, хоть вводных рассуждений, почему-нибудь замечательных. Везде одна реторика, везде общие избитые места, все изложено (по крайней мере, сколько можно судить об этом по русскому переводу) холодно, безжизненно, вяло, но гладкими, обточенными стереотипными фразами. Точь-в-точь как упражнения прилежного ученика по части реторики! Вот, например, описание бури: «Между тем буря разразилась проливным дождем. Гром гремел беспрерывно. Удары его раздавались в воздухе то протяжно и медленно, то, отбитые эхом в горах, громко и отрывисто. Казалось, небо готово было л о п н у т ь (?) и разорваться на части; молния бороздила его во всех направлениях. Освещенная их блеском, природа принимала на себя какой-то дивный фантастический образ». Или: «Твардовский погрузился в науку и мысль. Понял тогда искуситель, что только одним этим путем может привлечь к себе Твардовского, может погубить его — и о н схватился за эту а д с к у ю мысль (за какие же мысли хвататься чертям, как не адские?), со всем ожесточением падшего ангела». Вот что называется приятным и красноречивым слогом!

Мы где-то читали, что г. Крашевский принадлежит к замечательным писателям польским. Может быть! В таком случае нельзя не пожалеть, что русский переводчик не выбрал из его сочинений чего-нибудь получше. А это уж куда плохо — из рук вон! Скука смертельная! Перевод вообще хорош. Жаль только, что переводчик неумеренно щедр на эпитет: д и в н ы й. Странно также, что иногда он употребляет слова должно быть польские, по крайней мере не русские. Например: «После долгих переговоров,

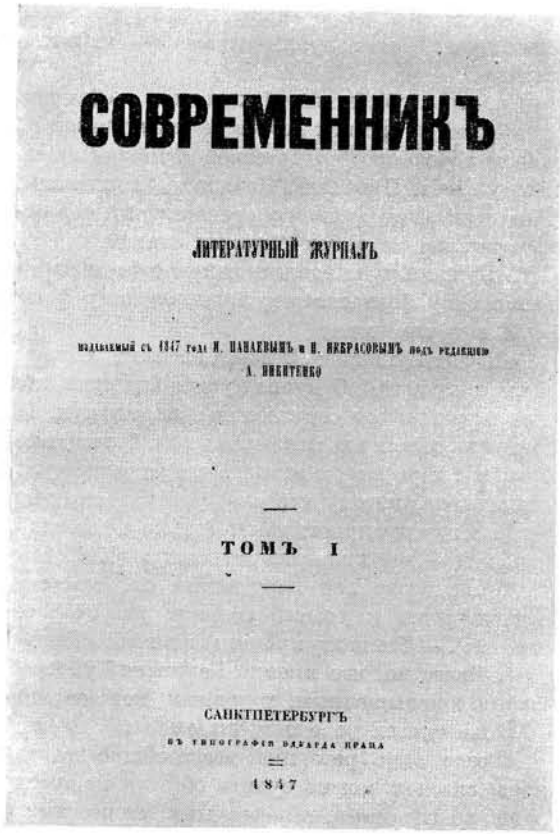
черти начали входить с ним в уклады»; часто употребляется слово цирограф вместо записи.

Не можем удержаться, чтобы не выписать следующих фраз, несомненно свидетельствующих о поэтическом достоинстве слога г. Крашевского: «Отныне наука заступит ему место друзей, заменит ему целый свет, и теперь-то он схватился за нее еще сильнее, еще глубже запустил в нее когти своего всеобъемлющего ума» (ч. 1, стр. 46). «Бурно было на земле,— а на небе чисто, светло, погодно (!?), точь-в-точь, как в душе Твардовского; в ней было чище, чем прежде, но зато ветер метал и крутил в голове его мысли. Слабо светили там звезды надежды; кровавая луна непреодолимой жажды подымалась на осиротелом небе его надежд и верования» (стр. 66—67). Что за перо у г. Крашевского! Таких перьев теперь и у нас не найдется даже в известной реторической школе!

〈«Современник», 1847, № 11 отд. III, стр. 101—103〉.

Авторство Белинского для этой рецензии устанавливается на основании следующих сопоставлений:

1. В настоящей рецензии читаем: «Подновленный романтизм, в конце прошлого столетия возникший в немецкой литературе и в начале нынешнего нашумевший много во всех других европейских литературах, с особенною надеждою устремился на источник народных преданий и суеверий. Покойник думал, что тут-то и скрывается поэзия, и что отсюда не исчерпать ее во веки веков. Второстепенные таланты, приведенные в удивление успехами гениальных поэтов, толпою ринулись на легкую, по их мнению, добычу».



СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

издаваемый съ 1847 года И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ подъ редакціею А. НИКИТЕНКО

ТОМЪ I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

въ типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія

1847

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ТОМА ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННИК», ИЗДАНИЯ Н. А. НЕКРАСОВА и И. И. ПАНАЕВА

В этих нескольких строках передано то, о чем подробно говорится во второй статье о Пушкине (XI, 245—247).

2. «Они <романтики. — *Е. К.*> не поняли, что источник поэзии не вне поэта, а в нем самом, что всякое явление действительности так же годится для поэтического изображения, как и не годится для него, что тут дело не в нем, а в поэте, в его способности увидеть предмет с его поэтической стороны, принять его в себя и провести через себя», — писал автор публикуемой рецензии.

Мысль эта неоднократно высказывалась Белинским. Наиболее полно он ее развил в истолковании «пафоса» художественного произведения в пятой статье о Пушкине (XI, 370).

Или в другом месте, говоря об особенности творчества Пушкина, Белинский писал:

«Для Пушкина также не было так называемой низкой природы; поэтому он не затруднялся никаким сравнением, никаким предметом, брал первый попавшийся ему под руку, и все у него являлось поэтическим, а потому прекрасным и благородным» (XI, 393).

3. То соотношение, которое устанавливает автор в настоящей рецензии между народной поэзией и художественным творчеством, полностью соответствовало взглядам Белинского.

В публикуемой рецензии автор пишет:

«Предание о Фаусте действительно существует в Германии; в Лейпциге вам и теперь покажут тот погреб, из которого в одну прекрасную ночь вылетел Мефистофель, после занимательной беседы с чернокнижником, научившим людей искусству книгопечатания. Но что взял Гёте из этого предания? одну грубую сказку, один внешний сюжет; но вся идея его драматической поэмы, весь смысл, вся поэзия ее принадлежит ему.

...Берите, сколько хотите, народные предания, — пишет далее автор, — но если у вас нет того, чем бы вы могли оживить их, у вас из них всегда будут выходить вздорные сказки, тогда как в устах народа эти предания иногда бывают не лишены поэзии. В таком случае, всего лучше передавать их в том виде, в каком вышли они из фантазии народа».

Ср. это с суждениями Белинского в «Статьях о Пушкине»:

«Никто из русских поэтов не умел с таким непостижимым искусством спрыскивать живою водою своей творческой фантазии немножко дубоватые материалы народных наших песен. Прочтите „Жениха“, „Утопленника“, „Бесов“ и „Зимний вечер“, — и вы удивитесь, увидя, какой очаровательный мир поэзии умел вызвать поэт своим волшебным жезлом из таких скудных стихий.

...Пушкин умел извлечь из нее <сферы народной поэзии. — *Е. К.*> дивную поэму, наполовину фантастическую, наполовину фактически-положительную...» (XI, 403).

И в другом месте:

«Сказки Пушкина: „О царе Салтане“, „О мертвой царевне и семи богатырях“, „О золотом петушке“, „О купце Кузьме Остолопе и о работнике его Балде“, были плодом довольно ложного стремления к народности. Народные сказки хороши и интересны так, как создала их фантазия народа, без перемен, украшений и переделок. Но „Сказка о рыбаке и рыбке“, о которой мы не упомянули в числе прочих сказок, заслуживает исключения, потому что в ней есть положительные достоинства. Это не народная сказка: народу принадлежит только ее мысль, но выражение, рассказ, стих, самый колорит, — все принадлежит поэту» (XII, 215).

О «подделке под народность» см. также в рецензии Белинского на «Московский литературный и ученый сборник на 1847 г.» («Современник», 1847, № 6, отд. III, стр. 135). — См. нашу публикацию в сб. «Белинский. Статьи и материалы», Л., 1949.

4. Известно, что именно Белинский употреблял термин «реторический» по отношению к напыщенным, холодным, неестественным произведениям.

В настоящей рецензии читаем:

«Везде одна реторика, везде общие избитые места, все изложено (по крайней мере, сколько можно судить об этом по русскому переводу) холодно, безжизненно, вяло, но гладкими, обточенными, стереотипными фразами» и т. д.

НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНЕ
Литография И. Перро, 1840-е гг.
На Петербургской стороне жил в 1840 г. Белинский
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ПЕТЕРБУРГСКАЯ УЛИЦА В ДОЖДЬ
Акварель К. И. Кольмана, 1840 г.
Русский музей, Ленинград

< 2 >

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СВЕТА, ИЗД. О. СТУДИТСКИМ. ЮЖНАЯ АМЕРИКА И АНТИЛЬСКИЕ ОСТРОВА

С 8-ю картинками и 3 политипажами. Спб. 1848

Книжка эта составлена по сочинениям Дюмон-Дюрвиля, Араго и других путешествователей вокруг света, но составлена умно, ловко, дельно и представляет для детей чтение увлекательное, приятное и полезное. Формат, бумага, печать, картинки, политипажи не оставляют ничего лучшего желать.

<«Современник», 1848, т. VII, № 1, отд. III, стр. 74>.

Эта заметка напечатана в «Современнике» непосредственно перед рецензией на книгу Фурмана «Григорий Александрович Потемкин». Рецензия же, принадлежащая, как устанавливается ниже, Белинскому, является непосредственным продолжением заметки, чем доказывается, что и последняя также написана Белинским.

< 3 >

ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОТЕМКИН. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

СОЧИНЕНИЕ П. ФУРМАНА

В двух частях. С 20-ю картинками, рисованными Р. К. Жуковским. Часть первая: Молодость, часть вторая: Блистательная судьба. Спб. 1848

Вот совсем другое дело — книжка г. Фурмана, потому что сам г. Фурман — совсем другое дело в русской литературе. Он писатель сам по себе, не принадлежит ни к какой школе, ни к какой партии. Мы даже думаем, что он вовсе не принадлежит и к литературе, что он делает книги, а не сочиняет их. Книгоделие — его ремесло. И он отличается в нем с видимым успехом, составляет истинную славу своего цеха. Говорят, заказов не оберется. Критика может быть недовольна его книгами, но ему что за дело до нее, когда подрядчики довольны? От этого критике ужасно трудно иметь дело с его книгами. Вот хоть бы «Григорий Александрович Потемкин, историческая повесть для детей» — собьет с толку самую бойкую критику. Что это такое? Историческая повесть? Но ведь историческая повесть, как и исторический роман, представляют всегда событие собственного изобретения, которым хотят заменить недостаток исторических сведений об историческом лице. В повести г. Фурмана нет ничего романического, потому что подробности о детстве Потемкина могли дойти до автора по преданию, по рассказам стариков, да если бы они были и сочинены им, все же в них нет ничего романического. Какая же это историческая повесть? Это просто биография, хотя и плохо написанная. В ней не видно ни знания дела, ни взгляда, о таланте нечего и говорить. Г. Фурман беспрестанно толкует детям, что не надо шалить, надо учиться, быть благонравными, послушными и т. д., для того, чтобы достичь в жизни почестей, славы, богатства, а между тем герой его «исторической повести» шалит мальчиком дома, шалит в школе, мало занимается делом, кутит напропалую, будучи офицером — и достигает почестей, славы и богатства, как будто в опровержение морали своего биографа. Зачем же эта мораль? Да за тем, что она дешевле пареной репы, что для нее не нужно уметь ни мыслить, ни быть человеком с талантом. Она — всегда готовый материал, пиши: делай то, не делай этого — и выйдет мораль, а между тем заказные страницы наполняются строками, подрядчики довольны, и автору хорошо. А читатели?— да в книгоделии кто же думает о читателях? Были бы покупатели!

<«Современник», 1848, т. VII, № 1, отд. III, стр. 74—75>.

< 4 >

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СУВОРОВ-РЫМНИКСКИЙ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

СОЧ. П. ФУРМАНА

Две части.

Спб. 1848

СААРДАМСКИЙ ПЛОТНИК, ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

СОЧ. П. ФУРМАНА

Две части.

Спб. 1847

В запрошлом месяце, по поводу исторической повести: «Григорий Александрович Потемкин», мы высказали свое мнение о «детской литературе» г-на Фурмана. Две новые его исторические повести составлены по тому же способу, как и предыдущие: к биографии исторического лица (удовлетворительной, если есть готовые источники, и очень плохой, если источники не разработаны) пришиваются местами избитые сентенции, часто невпопад и вопреки рассказываемым фактам,— вот и историческая повесть для детей!

Благодаря «Истории Суворова», составленной покойным Полевым, «Суворов» г. Фурмана читается; но «Саардамский плотник»?..

Нет, мы решительно советуем г-ну Фурману брать вперед героями своих исторических повестей только те лица, жизнеописания которых прежде его обработаны писателями талантливыми, знающими дело...

Нужно еще заметить, что не одним внутренним достоинством разнится «Суворов» от «Саардамского плотника»: первый — издан очень хорошо, украшен 20 картинками, тогда как второй не только без картинок, но и напечатан дурно, на серой бумаге.

<«Современник», 1848, т. VIII, № 3, отд. III, стр. 105>.

Обе рецензии на книги П. Фурмана, несомненно, написаны одним автором; во второй из них мы читаем:

«В запрошлом месяце, по поводу исторической повести: „Григорий Александрович Потемкин“, мы высказали свое мнение о „детской литературе“ г-на Фурмана».

Авторство Белинского для этих двух рецензий, а тем самым и для предшествующего им краткого отзыва на «Путешествие вокруг света» устанавливается на основании следующих фактов:

1. В одной из этих рецензий утверждается, что «...г. Фурман <...> писатель сам по себе, не принадлежит ни к какой школе, ни к какой партии. Мы даже думаем, что он вовсе не принадлежит и к литературе, что он делает книги, а не сочиняет их. Книгоделие — его ремесло».

Подобным образом о книгах и переводах Фурмана Белинский отзывался неоднократно (см. VIII, 43, 95; X, 507 и т. д.). Все эти отрицательные отзывы подкрепляются характеристикой, которую дал Фурману Белинский в письме к Герцену:

«Что за человек Краевский — вы все давно знаете. Вы знаете его позорную историю с Кронебергом. Он отказал ему и на его место взял некоего г. Фурмана, в сравнении с которым гг. Кони и Межевич имеют полное право считать себя литераторами первого разряда. Видите, какая сволочь начала лезть в „Отечественные записки“» («Письма», III, 89).

2. Во второй из рецензий на книги Фурмана Белинский пишет:

«Благодаря „Истории Суворова“, составленной покойным Полевым, „Суворов“ г. Фурмана читается, но „Саардамский плотник“?..

Нет, мы решительно советуем г-ну Фурману брать вперед героями своих исторических повестей только те лица, жизнеописания которых прежде его обработаны писателями талантливыми, знающими дело».

То, что Фурман умеет только переделывать чужие произведения, подчеркивалось Белинским и ранее. Например: «„Записки Петра Ивановича“ — очень недурная книжка для чтения детей. Только ее надо читать пропустив первую главу, которая называется „Несколько слов вместо предисловия“ и в которой не только дети, но и взрослые ровно ничего не поймут. Повесть явно переделана из какой-нибудь иностранной книжки, и переделана недурно, а предисловие сочинено явно самим г. Фурманом» (VIII, 433).

Или:

«И как бедно и жалко составлена книжка г. Фурмана! Первая половина ее — компиляция из прекрасной книги г. К. Полевого; а вторая — вялый и мертвый набор слов» (X, 507).

3. В публикуемой рецензии Белинский пишет:

«Г. Фурман беспрестанно толкует детям, что не надо шалить, надо учиться, быть благонравными, послушными и т. д.... Зачем же эта мораль? Да затем, что она дешевле пареной репы, что для нее не нужно уметь ни мыслить, ни быть человеком с талантом. Она — всегда готовый материал, пиши: делай то, не делай этого — и выйдет мораль...»

Эта мысль неоднократно развивалась Белинским в его рецензиях на детские книги. Ср., например:

«Но моральные правила, сентенции, поучения способны только наводить на детей скуку и возбуждать в них отвращение, или образовывать из них педантов, резонёров, лицемеров ⟨...⟩

Что касается до истории, она должна состоять из биографий исторических лиц, анекдотов из их жизни, отдельных исторических событий, имеющих нравственное значение. Нравственность тут должна быть главным предметом, но о ней отнюдь не должно упоминать, отнюдь никаких наставлений и поучений: она должна быть не в словах, а в деле» (X, 502—504).

Из сотрудников «Современника» рецензии на детские книги писал обычно Белинский, что также является немаловажным доказательством его авторства для публикуемой рецензии.

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ЧЕТЫРЕХ СТАТЕЙ БЕЛИНСКОГО О НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Статья Г. Черёмина

Вопрос об отношении Белинского к русской народной поэзии является, как известно, одним из наиболее сложных вопросов изучения теоретического наследия великого критика. Разрешению этого вопроса в известной степени может способствовать тщательный анализ самого текста соответствующих статей Белинского, в первую очередь сохранившегося рукописного текста. Наиболее содержательными с этой точки зрения являются наборные рукописи третьей и четвертой статей Белинского по поводу сборников Кирши Данилова, М. Суханова и И. Сахарова («Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым...» и пр.), хранящиеся в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (шифр — М3322/б). Эти рукописи[1] — благодарный материал для исследователя не только из-за наличия в них позднейшей авторской правки, дающей возможность проследить отдельные моменты идейной эволюции Белинского на протяжении 1840-х годов, но и по ряду имеющихся в ней вариантов, остававшихся до сих пор неизвестными. Часть вариантов авторского текста дает представление о ходе мысли Белинского и его работе над словом. Другая часть, возникшая в результате правки Краевского и цензурных изменений, отчетливо выявляет характер искажений, которым подвергались статьи Белинского, напечатанные в те годы.

Указанные рукописи Белинского, весьма значительные по своему объему (они содержат в общей сложности 166 листов) и местами трудно читаемые, не подвергались до сих пор детальному обследованию. Обе статьи в их подлинном виде в печати еще не появлялись. В советские издания они пока не вошли, а дореволюционные публикации, изобилующие искажениями и опечатками и механически включавшие постороннюю правку в текст Белинского,— неудовлетворительны.

Ввиду отсутствия рукописей первой и второй статей, возможности обследования их текста очень ограничены. По всей вероятности, он претерпевал, в основном, аналогичные изменения, и многое из сказанного ниже о рукописях третьей и четвертой статей могло бы быть отнесено и к двум первым.

В настоящей работе, не претендующей на исчерпывающую полноту анализа указанных рукописей и печатного текста, мы отмечаем лишь наиболее важное и существенное, с нашей точки зрения, для характеристики идейных позиций и творческого процесса Белинского.

Редакторы юбилейного издания «Семь статей В. Г. Белинского» (М., 1898) П. А. Ефремов и В. Е. Якушкин, указывая, что текст некоторых статей критика «имеет иногда по четыре последовательных редакции», имели в виду при этом, несомненно, и рукописи третьей и четвертой статей

о народной поэзии. Впоследствии С. А. Венгеров прибавил к этим четырем редакциям пятую (VI, 607).

Однако такое разграничение, как мы увидим ниже, не совсем точно. Правильно будет различать (считая и публикацию Венгерова) семь последовательных редакций обеих статей: четыре рукописных (из них три авторских) и три печатных. Печатный текст первой и второй статей имеет три редакции (3-я, 6-я и 7-я — по нашей нумерации).

Рассмотрим перечисленные редакции в хронологическом порядке, попутно воспроизводя наиболее интересные варианты, доселе не появлявшиеся в печати.

1-я (основная) редакция

Это—рукопись Белинского, какой она была в самом начале (октябрь — ноябрь 1841 г.), когда «после поправок и переделок ⟨каждая⟩ статья была сдана ⟨автором⟩ для напечатания» («Семь статей В. Г. Белинского», стр. VI). Первоначальный текст написан чернилами (в настоящее время имеющими темнокоричневый цвет), гусиным пером (что особенно заметно в горизонтальных штрихах при вычеркиваниях), крупным, размашистым почерком с исправлениями в процессе работы. Часть этих исправлений и вставки (относящиеся ко времени написания) сделаны тем же пером, но более мелким почерком. В ряде мест обеих статей встречаются значительные куски зачеркнутого и исправленного текста, свидетельствующие о напряженных поисках Белинским нужной ему формулировки.

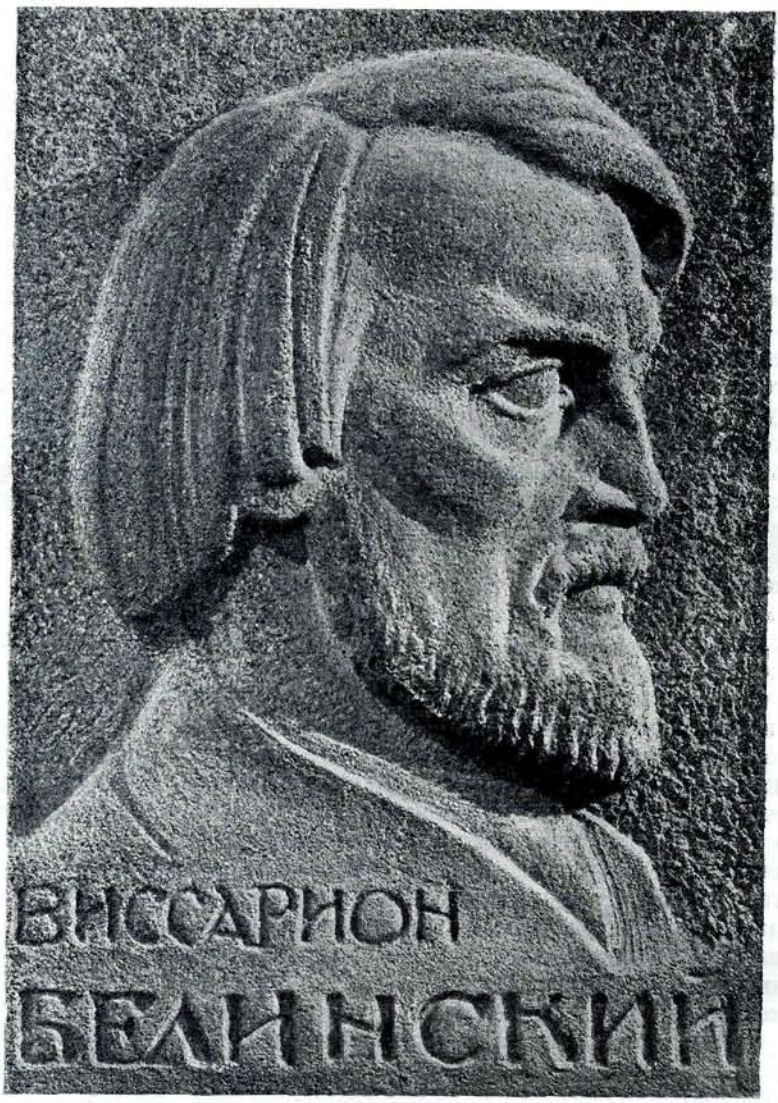
Основной редакции соответствует и первоначальная нумерация листов рукописи, сделанная теми же чернилами и пером, рукой Белинского.

Ряд вариантов основной редакции, отвергнутых Белинским еще на этой стадии работы, представляет значительный интерес.

Разбирая (в ст. третьей) былину «Три года Добрынюшка стольничал» (из сб. Кирши Данилова, М., 1818) и — как всегда в этих случаях — обобщая свои выводы, Белинский отметил, что «русский *человек* [2] не тороплив на мщение» (лист рукоп. 66/67 [3]). Это целиком соответствует контексту (стр. 404) [4]; но полагая, видимо, что такая социально-острая формулировка все равно не появится в печати, он написал вместо «человек»—«богатырь». В той же статье в изложении другой былины (стр. 398) вначале было написано: «Чурила Пленкович — щеголь, франт, живет *аристократом*» (л. р. 57). Однако такое определение звучало чересчур «современно» для 1840-х годов, и Белинский поставил вместо него не возбуждавшие никаких неудобных ассоциаций слова: «как сатрап восточный».

Не менее показательна и судьба некоторых формулировок, касающихся событий отечественной истории. Так, характеризуя (в ст. четвертой) особенности исторического развития России, Белинский поставил вначале после слов «смуты междуцарствия» (стр. 476) — «*наконец, необходимая, но тяжкая реформа Петра*», но потом зачеркнул (л. р. 65). Это не увидевшее света высказывание Белинского особенно любопытно, учитывая восторженную оценку, которую он вообще давал преобразованиям Петра I; как видим, наряду с этой оценкой, Белинский уже в то время ясно сознавал, что петровская реформа была тем не менее *тяжкой* для народа.

Заслуживает внимания первоначальная характеристика (в той же статье) общественного строя древнего Новгорода (в рукописи эти строки основательно вымараны и с трудом поддаются расшифровке). Вместо строк: «Но сделавшись купеческим городом...» и т. д. (стр. 443) сперва было: «...Но сделавшись [*купцами, новогородцы не сделались промышленниками в смысле фабрикантов и мануфактуристов. От этого у них не возникли и не развились элементы муниципальной гражданственности, не было цехов, не было определенного разделения классов*] [*торговой республики*]. [*Все были купцами и торговали на авось*[5] *и на удачу, без всяких понятий о*



БЕЛИНСКИЙ
Барельеф работы Н. А. Андреева, 1920 г.
Третьяковская галлерея, Москва

кредите, о вексельном праве, словом, без всякого европеизма в то⟨рговле⟩] [*просто*], по-азиатски» (л. р. 8). Здесь интересна мысль о том, что наличие «муниципальной гражданственности» обусловлено экономическими факторами — мысль, исчезнувшая при дальнейших исправлениях этого места.

Из сопоставления некоторых первоначальных вариантов с окончательными вырисовывается стилистическая сторона работы Белинского над текстом обеих статей.

Создавая свое полуизложение, полуперевод «Слова о полку Игореве» (в ст. третьей), Белинский вместо бывшего вначале «*шлем*⟨ы⟩» пишет: «шеломы», изменяет «*гремят* сабли о шеломы» на «звучат...», «*итти* дождю стрелами»— на «литься...»; сперва было (в двух местах): «Ярославна рано плачет в Путивле на городской стене, *восклицая*»; потом последнее слово (в обоих случаях) было переделано на «аркучи». Другая известная строка из того же плача Ярославны у Белинского вначале звучала так: «О ветер, о ветер! зачем, *государь*, так сильно веешь?» Затем вместо «государь» появилось «господине» (л. р. 13 и 18). Сходная правка имела место и в четвертой статье — в пересказе Белинским содержания псевдонародной сказки об Акундине; слова: «*спрашивать*», «*вдйска*» (род. п. ед. ч.), «*убегаючи*» соответственно заменяются на «пытать», «силы ратной», «утекаючи» (л. р. 37).

Из этого видно, что Белинский, стремясь придать бо̀льшую художественность изложению, обращается к языку «Слова...», использует образные выражения народной поэзии.

2-я редакция (правка Краевского)

В рукописях третьей и четвертой статей встречается правка, сделанная чернилами, которые имеют в настоящее время светлокоричневый цвет (они, повидимому, выцвели), тонким (очевидно, стальным) пером, мелким почерком. Процент этой правки невелик по отношению к объему самих статей, но она все же составляет несколько десятков более или менее существенных исправлений, не считая мелких стилистических и грамматических поправок. Вся указанная правка полностью воспроизведена в тексте «Отечественных записок» и, следовательно, сделана до напечатания обеих статей. Почерк и (как мы увидим ниже) характер этой правки показывают, что она целиком принадлежит Краевскому (кстати сказать, правка эта совершенно аналогична той, которая отмечена Ефремовым и Якушкиным в рукописи статьи «Сто русских литераторов», того же года,— как нанесенная рукой Краевского). Сюда же следует отнести, повидимому, и ряд карандашных исправлений, сделанных до журнальной публикации (см., например, VI, прим. 382).

Приводим наиболее характерные случаи искажения Краевским текста Белинского. Редактор-издатель «Отечественных записок» изменял прежде всего те места обеих статей, которые в более или менее явственной форме выражали протест Белинского против современной ему социальной действительности. Так, характеризуя (в ст. третьей, стр. 374) феодальные порядки в древней Руси, Белинский написал: «Удельная система была точь-в-точь то же самое, что *теперь помещицкая* система...» Краевский вычеркнул слово «теперь», а вместо нарочито презрительного —«помещицкая» поставил просто «помещичья» (л. р. 23). В статье четвертой строки о положении крепостного крестьянства в России (стр. 476) вначале имели такой вид: «...Вспомните быт русского крестьянина того времени, его дымную, неопрятную хижину, так похожую на хлев, его поле, то орошаемое кровавым по̀том *своего владельца*, то пустое, незасеянное, или потоптанное татарскими отрядами, а иногда и псовою охотою *помещика*...» Маскирующая оговорка: «того времени», очевидно, показалась Краевскому недостаточной. Стремясь ослабить политическое звучание этих строк, он заменил

«помещика» «боярином», а вместо слов «своего владельца», резко оттеняющих вопиющую социальную несправедливость, поставил: «его» (л. р. 65). Впрочем, и в смягченном виде эти «радищевские» строки не были пропущены цензурой. Говоря (в той же статье) о так называемых «разбойничьих» песнях и касаясь в этой связи самого «разбойничества» (стр. 474), Белинский утверждал, что «в подобных явлениях нет ничего унизительного для национальной чести, ибо в них виновато б ы л о[6] неустройство и шаткость общественного здания, а совсем не национальный дух». В этом заявлении, оправдывавшем народные массы и возлагавшем (хотя и в очень туманной форме) ответственность за «подобные явления» на правящую дворянскую верхушку, словечко «было» вставлено Краевским (л. р. 61). Похожая вставка сделана им и в следующих за этим (несколько ниже) строках Белинского (стр. 474—475), где критик противопоставляет величие Ермака ничтожеству представителей придворной знати: «...скорее можно предположить человечность, благородство и возвышенность в покорителе Сибири, чем во многих из знатных [*дворских*][7] тунеядцев с т а р о г о в р е м е н и, богатых только [*боярскою*] спесью, невежеством и низостию» (л. р. 62).

Как видно из приведенных примеров, Краевский ослаблял высказывания Белинского, направленные против помещичьего гнета и дворянской государственности, тем, что обращал их в сторону исторического п р о ш л о г о. Тем самым из гневных инвектив Белинского выхолащивалось их конкретное политическое содержание. Однако и экскурсы Белинского в область далекого прошлого были таковы, что вызывали в ряде случаев опасения у осторожнейшего и умереннейшего Краевского. В этой связи необходимо уточнить, что указанное Венгеровым зачеркивание строк об «узнании» князем Владимиром «чужих вер» (VI, прим. 323б) произведено теми же чернилами, что и вся правка Краевского (л. р. 3) и, следовательно, принадлежит последнему. Ему же, вероятно, показалась чересчур смелой интересная попытка установить историческую преемственность между деятельностью Ивана Грозного и Петра I, предпринятая Белинским при разборе (в ст. четвертой) былины «Взятие Казанского царства». Здесь, после слов: «...Грозного — этого исполина телом и духом» (стр. 469) сначала следовало: «*этого предтечи и предвозвестника Петра Великого*». Эта формула Белинского, который усматривал сходство между обоими историческими деятелями в их борьбе против «ограниченной народности», т. е. против косности и приверженности к «старине», препятствовавших их преобразованиям, была устранена Краевским (л. р. 53). Еще менее устраивало его, надо думать, упоминание о другой стороне личности Грозного (стр. 468), получившей отражение, в частности, в былине «Никите Романовичу дано село Преображенское», которая, писал Белинский, «содержит в себе сказочное описание исторического происшествия, касающегося до ужасной личности грозного царя — *убийства сына его Василия, смешанного* [*переименованного*] *в сказке, ради вящей исторической истины, с* [*в*] *Федором Ивановичем*». Считая, что не все поступки царей удобно называть своими именами, Краевский написал вместо указанного выше: «гнева его на сына» (ст. четвертая, л. р. 50). Очень показательно и другое место той же статьи — там, где Белинский пересказывает былину «Щелкан Дудентьевич» (стр. 465), в которой говорится между прочим о том, что царь Азвяк Таврулович в ответ на просьбу Щелкана «пожаловать» его «Тверью богатою» требует, чтобы Щелкан заколол своего сына и выпил его «крови горячия» («Древние российские стихотворения...», стр. 34). По этому поводу Белинский саркастически замечает: «Выполнив э т о *г у м а н н о е желание царя*...» и т. д. В рукописи слово «царя» вычеркнуто карандашом, «желание» переправлено на «требование» и вдобавок вставлено: «это» (л. р. 45). Таким образом, фраза потеряла свой «крамольный» характер. Постоянное противодействие Краевского указанным тенденциям

Белинского отражается на его правке даже в мелочах. Рассказывая (в изложении былины «Царь Саул Леванидович») о том, что царь Саул, намереваясь казнить угличан, позвал «заплечного мастера» (стр. 425), Белинский подчеркивает эти два слова; Краевский уничтожает подчеркивание Белинского (ст. третья л. р. 90), не желая, в противоположность ему, останавливать внимание читателей на этом моменте.

До чего доходила «бдительность» Краевского в отношении разных щекотливых тем, показывает следующий пример из третьей статьи (стр. 362). Указав на обилие искажений в имеющемся тексте «Слова о полку Игореве» и подчеркнув трудность восстановления всякого подлинного текста по списку, Белинский писал в подтверждение своей мысли: «Кому случалось читать в *рукописных списках* ходячие по рукам поэмы Пушкина...» и т. д. Просматривая это место, Краевский заменил «рукописные списки» «рукописями» (л. р. 5). Эта замена отнюдь не носит стилистического характера, как может показаться на первый взгляд. Говоря о рукописных списках, «ходячих по рукам», Белинский прямо напоминал читателям о тех нелегальных или полулегальных произведениях Пушкина, которые таким путем получили значительное распространение. Упоминание же о рукописях выглядело в этом смысле вполне безобидно.

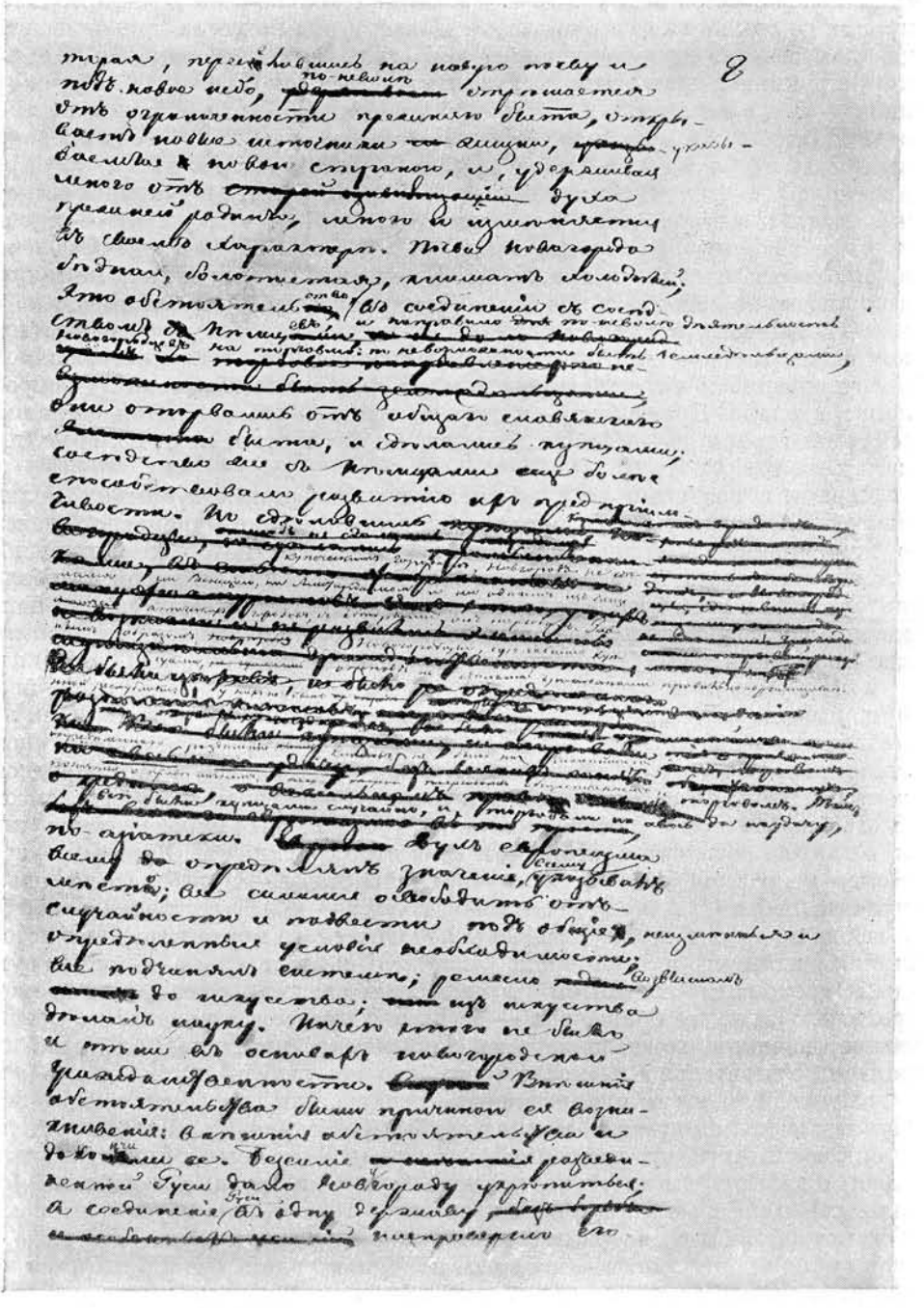
Наряду с выхолащиванием политического содержания и устранением «крайних мнений», правка Краевского характеризуется стремлением затушевать прямоту и резкость суждений Белинского. Категорическая форма высказывания заменяется предположительной, определенные оценки — зыбкими и расплывчатыми формулами, личные обороты — безличными. Вместо формулировки Белинского: «*не стòит никакого* внимания» Краевский пишет: «едва ли стòит внимания», вместо «*есть*» — «бывает», вместо «*несомненно*» — «вероятно», вместо «*не понимаем*» — «не понятно» (ст. третья, л. р. 88, 3, 15; ст. четвертая, л. р. 7) и т. д. В результате подобной правки была, например, совершенно искажена оценка, которую сам автор статьи дал своему замечательному переводу «Слова о полку Игореве». Белинский справедливо отметил, что его перевод «*дает самое близкое* понятие о „Слове...“», Краевский же придал этому заявлению «осторожную» форму: «...может дать довольно близкое...» (ст. третья, л. р. 21). Всячески приглаживая выражения Белинского, Краевский переправляет «*безумную* удаль» на «безрассудную...», «*нехитрые* следствия» — на «немудреные...», «*доканали*» — на «докончили» и т. п., вставляет в текст статей различные оговорки («пока», «так сказать» и др.). Стилистические и грамматические исправления, сделанные редактором «Отечественных записок», носят мелочной и педантичный характер и зачастую обедняют яркий, образный язык Белинского.

К упомянутым видам исправлений, принадлежащих Краевскому, следует добавить указанные Венгеровым (VI, прим. 545 и 550), которые снимают негодующие высказывания Белинского об условиях его работы над этими статьями. Кстати, связанная с ними последняя фраза четвертой статьи приписана Краевским (л. р. 75).

После правки Краевского (в рукописи), образовавшей уже новую, смягченную и приглаженную, редакцию статей Белинского, обе они подверглись дальнейшим искажениям.

3-я (журнальная) редакция

Это — текст «Отечественных записок», 1841 г. (первая и вторая статьи — т. XVIII, №№ 9 и 10, ц. р. 30 авг. и ок. 30 сент.; третья и четвертая статьи — т. XIX, №№ 11 и 12, ц. р. 31 окт. и ок. 1 дек.). Он воспроизводит 2-ю редакцию третьей и четвертой статей и включает, кроме того, цензурные изменения и *вторичную редакторскую правку*, сделанную, очевидно, уже в корректурных листах (поскольку эта правка не получила никакого



АВТОГРАФ ЧЕТВЕРТОЙ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО О ДРЕВНИХ РОССИЙСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ, 1841 г.

Лист рукописи с авторской правкой критика

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

отражения в рукописи) также Краевским. Наличие этой дополнительной правки до сих пор не учитывалось[8]. Цензору она не могла принадлежать, так как состоит из мелких изменений стилистического порядка. Например, в рукописи третьей статьи: «принуждены были бы...» (л. р. 5); в журнале — «в о с с т а н о в и т е л ь принужден был бы...» («Отеч. записки», отд. V, стр. 6); в рукописи (той же статьи): «*Б у й т у р* составлено из слов *д и к и й* и *в о л*...» (л. р. 11); в журнале — «...*д и к и й* (б у й) и *в о л* (т у р)...» («Отеч. записки», отд. V, стр. 9, прим.); в рукописи четвертой статьи: «*неукротимою рьяностию*» (л. р. 17), в журнале — просто «неукротимостию» («Отеч. записки», отд. V, стр. 67) и т. д. Сюда же надо отнести и такое исправление. Белинский пишет: «...как ни мудр*и*, а из ничего не добьеш*ься* ничего...» (ст. третья, л. р. 4). В тексте «Отечественных записок» (отд. V, стр. 5) оба глагола поставлены во множественном числе (вероятно, авторская формулировка была сочтена «невежливой» по отношению к читателям журнала). Почти аналогичное этому исправление сделано Краевским — в другом месте — еще в самой рукописи («Что ни говор*и*...»— «Что ни говор*ят*...». Ст. третья, л. р. 23, ср. «Отеч. записки», отд. V, стр. 16).

Наряду с поздними редакторскими исправлениями в статьях Белинского, подобными указанным выше, из сопоставления рукописного текста с журнальным выявляются такие изменения, о которых невозможно в точности сказать, произведены ли они Краевским или цензурой. Наиболее интересным в этом плане является место из третьей статьи (сильно искаженное последующей правкой и не до конца восстановленное Венгеровым), где Белинский дает обобщенное толкование былинного образа Тугарина[9]:

«...Н е у ж е л и это идеал с т а р и н н о г о русского любовника чужой жены, которому мало наслаждения — нужно еще и ругаться и ломаться над несчастным мужем <?>. Мы еще не раз встретимся с этим лицом, состоящим, к а к в и д н о, на ролях *л ю б о в н и к о в* в репертуаре народного театра жизни: он еще явится нам и под другим именем, но всегда змеем. В его безобра́зном и безо́бразном лице [православный народ][10] осуществил (о с ь) *свое* сознание о любви,— и если этот русский дон Хуан [*или*] этот Ромео не совсем благообразен,— причина этому — *народное* созерцание чувства любви [*И потому просим не взыскать — чем богаты, тем и рады*][11]. Любовь до того б ы л а изгнана у *нас* из тесного круга народного созерцания жизни, что в самом браке [*является*] я в л я л а с ь каким-то чуждым [греховным] элементом [,враждебным святости союза, освящаемого религиею]; вне же брака, она — бесовская прелесть, дьявольское навождение, нечистое вожделение змея Горынщата, преступная контрабанда жизни. Удивительно ли после этого, что эта любовь является в *наших народных* поэмах так цинически-чувственною, так оскорбительною и возмутительною для чувства, в таких грубых [*кабацких*] формах? Удивительно ли после этого, что любовник в *наших народных* поэмах является в виде змея, с характером хвастуна, наглеца [*ярыги*] и труса, а любовница [*является*] п р е д с т а в л я е т с я в виде [*харчевницы*] грубой, наглой и бесстыдной бабы с манерами *и замашками* площадной торговки и даже — как увидим это ниже — в виде колдуньи, злой ерет[*ницы*]и ч к и?» (л. р. 46; «Отеч. записки», отд. V, стр. 28—29; у Венгерова см. на стр. 391).

Этот отрывок является показательным примером обработки, которой, повидимому, вообще подвергались «крамольные места» в статьях Белинского.

Как мы можем убедиться, карандашная правка этого места (которая полностью учтена в журнальном тексте) по своему характеру напоминает правку Краевского, сделанную в других местах рукописи чернилами: это — вставные оговорки («неужели», «как видно») и переадресовки в прошлое («старинного», «была», «являлась»), вычеркивание просторечных слов («кабацких», «ярыги», «харчевницы»), а также целой фразы.

Сопоставляя неправленный рукописный текст с журнальным, мы обнаруживаем эти замены: вместо «*народное* созерцание» в журнале стоит «особое»; вместо «*наших народных*» — «этих», «подобных»; вместо «*нас*» — «этих людей»; совсем исключено: «*свое*», «*и замашками*».

Уже самый факт изъятия слова «народный» и других цензурой или редактором «Отечественных записок» показывает, что резкие выпады Белинского были направлены именно против официальной «народности», которая предусматривалась известной уваровской формулой. Неслучайно здесь иронически говорится о «*православном* народе», который «осуществил *свое* сознание о любви...» Полемически заостренное обличение «грубости» тогдашнего народного быта разрушало его патриархально-идиллическую трактовку, дававшуюся высокопоставленными ревнителями «народности» и их «учеными» подголосками вроде И. Сахарова (книги которого Белинский рецензировал в этих статьях)[12]. Белинский ополчается здесь против всякого приукрашивания народной жизни («чем богаты, тем и рады»), намеренно сгущая краски.

Однако «грубость» народных поэм он связывает, в первую очередь, с «тесным кругом» народных представлений, с косностью условий существования, при которых любовь становится «преступной контрабандой жизни». Во всем этом важна, конечно, не своеобразная морально-эстетическая интерпретация Белинским фольклора сама по себе, а ее функциональная роль для эпохи 1840-х годов, ее конкретная социальная направленность. То, что она воспринималась именно в этом плане, еще раз подтверждается приведенным отрывком, который, как мы могли убедиться, появился в печати искаженным до неузнаваемости. Разумеется, резкие характеристики, данные Белинским, касаются отнюдь не народного характера как такового, а лишь бытовых уродств, порожденных вековечным гнетом. Ведь в этих же статьях Белинский несколько раз восторженно отзывается о высоких моральных качествах русского народа и о «необъятно-великой судьбе», его ожидающей. В четвертой статье Белинский прямо говорит, что «любовь на Руси могла быть не только поэтическою, но даже и грациозно-поэтическою» и что «чем богатее народ чувством, тем ужаснее видеть это чувство сдавленным неправильно развившеюся общественностию» ⟨т. е. тогдашним социальным строем.— *Г. Ч.*⟩ (л. р. 69).

Интересным примером корректурной правки в четвертой статье является замена употребленного Белинским выражения: «*на пищу святого Антония*» (л. р. 29) словом «голодает» («Отеч. записки», стр. 73; Венг., стр. 455).

В обеих статьях часть исправлений, сделанных в корректуре, имеет чисто стилистический характер, причем все они направлены в сторону обеднения языка Белинского: слова, обороты, формы, заимствованные из фольклорных источников (главным образом из сборника Кирши Данилова), заменяются обычными. Это видно из следующих примеров.

В рукописи:	В журнальном тексте:
любови	любви
зелены луга	зеленые луга
Алешке	Алеше
окошечко	окошко
али	или
ронил	ронял
воску	воска
лавицу	лавку
человечья	человеческая
Васинька	Василий
млада Васюшки	молода Василия и т. д.

Такая правка аналогична первоначальной (имеющейся в самой рукописи) правке Краевского: *годков* — годов, *муж* (в старинном значении слова) — человек и т. д. и, повидимому, также принадлежит ему. Но возможно, что указанные искажения, в отдельных случаях, являются следствием ошибок наборщиков.

Следует отметить, что журнальный текст обеих статей изобилует опечатками, нередки пропуски слов. Значительная часть подобного рода ошибок механически перешла в последующие публикации. В качестве примера можно указать на следующие вопиющие искажения мысли Белинского. В третьей статье вместо «само*с*ознания» (л. р. 2) напечатано «само*п*ознания» («Отеч. записки», стр. 4; Венг., стр. 360). Таким образом, социально-исторический термин превратился в философско-мистический (но, может быть, эта замена произведена и сознательно Краевским). В четвертой статье, в фразе: «Какого же исторического содержания, какой исторической жизни можно требовать от русских народных песен, относящихся к эпохе *до* Петра Великого!» (л. р. 54) пропущено слово «до» («Отеч. записки», стр. 86; Венг., стр. 470)[13].

В печатных воспроизведениях обеих статей особенно много искажений падает на тексты былин, которые Белинский, как правило, точно цитировал по сборнику Кирши Данилова (изд. 1818 г.). В результате в ряде случаев получается совершенная бессмыслица. Так, пересказывая былину о Ставре-боярине, Белинский говорит (цитируя Киршу) о подготовке в Киеве к встрече посла «от грозна короля Етмануйла Етмануйловича»: «А и тут больно князь ⟨Владимир⟩ запечалился: *кидалися*, *металися*, то улицы метут, ельник ставили, перед воротами ждут посла...» (л. р. 83). В тексте «Отечественных записок» (стр. 52) и последующих изданий: «...кидался, метался...»; получалось, что эти слова относятся к князю Владимиру, тогда как на самом деле они относятся к слугам.

В другом месте Белинский приводит строки из былины «Алеша Попович» («Древние российские стихотворения», стр. 183):

> В тридцать пуд шелепуга подорожная,
> В пятьдесят пуд *налита* свинцу чебурацкого (л. р. 39).

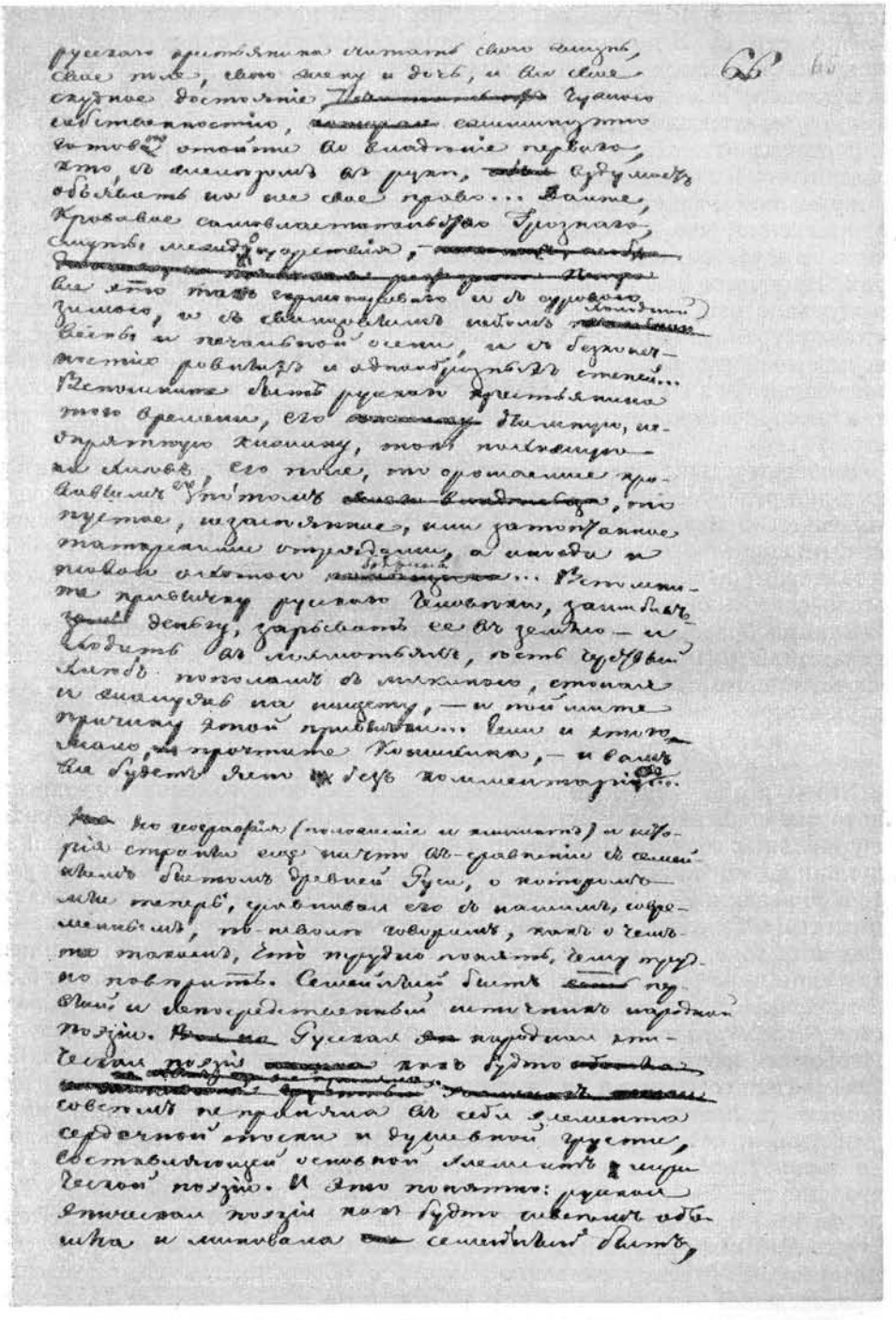
Во всех печатных текстах («Отеч. записки», стр. 25) вместо «налита» — «палица».

Вместо «мое*го* лады» (говорится о князе Игоре) печаталось «мое*й* лады», вместо «кушанье... по*ст*ное» — «...по*спеш*ное» ⟨?⟩, вместо «*сс*кочил (т. е. соскочил) с коня» — «*вс*кочил с ⟨?⟩ коня», вместо «сотряслося сл*а*вно царство Индийское» — «...сл*о*вно...», вместо «зат*к*нул» (колчаны) — «зат*я*нул» ⟨?⟩ и т. д.

Что касается журнального текста первой и второй статей, то он также подвергался различным искажениям. Некоторые из них обнаруживаются при сопоставлении текста «Отечественных записок» с текстом Полного собрания сочинений Белинского в изд. Солдатенкова и Щепкина (о нем см. ниже), где при публикации всех четырех статей были использованы рукописи Белинского.

Из имеющихся разночтений (кроме указанных Венгеровым в примечаниях 281 и 284 к VI т.) заслуживают внимания следующие:

В первой статье Белинский отмечает, между прочим, что в литературе французского классицизма «Солдаты заговорили одним языком с полководцами, *земледельцы и поденьщики — с царями*, слуги — с господами» и что поэты и теоретики искусства того времени «исключили из поэзии простолюдинов и мещан, и дали в ней место только *царям*, *их* придворным и героям благородного происхождения» (изд. Солд., ч. V, стр. 12—13). В первом случае выделенные нами слова совсем исчезли из журнального



АВТОГРАФ ЧЕТВЕРТОЙ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО О ДРЕВНИХ РОССИЙСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ, 1841 г.

Лист рукописи с правкой А. А. Краевского

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

текста; во втором случае они были заменены на «вельможам» («Отеч. записки», стр. 6). В другом месте, говоря о Шекспире, автор статьи указывал, что он «выводит в своих трагедиях и *царей*, и придворных, и героев, и мужиков, *и мошенников* вместе, потому что это смешение существует в самой действительности...» (Солд., стр. 21). Цензор или Краевский исключил отсюда «царей» и «мошенников» («Отеч. записки», стр. 11), видимо, считая, что их «смешение» является неудобным. Как видим, исправления в журнальном тексте первой статьи, касающиеся «царей», идут в том же направлении, что и указанные нами ранее при рассмотрении третьей и четвертой статей. Сходные тенденции обнаруживаются и в других примерах. Нарочитое «отпущенный *холоп* Гораций» (в ст. первой, Солд., стр. 5) в журнале изменено на «...раб...» («Отеч. записки», стр. 2) — вероятно, чтобы устранить какие-либо ассоциации с русским бытом. Очевидно, неуместным (по политическим соображениям) показалось и упоминание тогдашней Австрии в числе «народов», имеющих «только внешнее историческое значение...» (ср. Солд., стр. 30; «Отеч. записки», стр. 16).

В обеих статьях имеются и примеры различных «смягчений», характерных для редакторской манеры Краевского. Так, у Белинского идет речь о «*противоборствующих*» «злу» (Солд., стр. 27), а в журнале они превращены в «противоречащих...» («Отеч. записки», стр. 14); Белинский говорит (ст. вторая) о «*полушуточном рассказе*» (Солд., стр. 60), а в журнале вместо этого «короткий пересказ...» («Отеч. записки», стр. 32).

Таким образом, в журнальной редакции еще более увеличилось число искажений (различного порядка) текста третьей и четвертой статей Белинского. С ними сходны и обнаруженные нами искажения текста первых двух статей.

4-я и 5-я («книжные») редакции

Это — позднейшие правки текста рукой Белинского (точная датировка которых пока не установлена), связанные с переработкой им ряда своих журнальных статей (в том числе и всех статей о народной поэзии) для задуманной им книги. Первое сообщение о ней было сделано в феврале 1841 г. редакцией «Отечественных записок» (т. XV, № 3), где в примечании к статье «Разделение поэзии на роды и виды» говорилось о предполагавшемся выходе, к началу 1842 г., книги Белинского «Теоретический и критический курс русской литературы», в составе которой должны были быть и разделы, озаглавленные: «*Взгляд на народную поэзию вообще*; *Критическое рассмотрение памятников русской народной поэзии* («Слово о полку Игоревом» и русские песни эпического и лирического содержания)...» Следовательно, третья и четвертая статьи Белинского о народной поэзии (появившиеся в журнале через несколько месяцев после этого) были написаны в исполнение этого замысла. В 1842 г. книга не вышла, но мысль о ней продолжала занимать Белинского до самой его смерти. Он неоднократно принимался за составление книги. Так, летом 1845 г. он сообщает (в рецензии на «Опыт истории русской литературы» А. Никитенко) о подготовляемой им «Критической истории русской литературы (преимущественно новой, с обозрением, в виде введения, произведений народной поэзии)» («Отеч. записки», т. XLI, № 7). На этот раз Белинский заявил, что не может сказать ничего определенного «о времени выхода этого сочинения» (там же). После этого он, повидимому, продолжал работать над книгой, так как 2 января 1846 г. писал А. И. Герцену: «К пасхе кончу 1 часть „Истории русской литературы“» («Письма», III, 92).

По словам Н. Х. Кетчера, «Критическую историю русской литературы» Белинский «начал составлять из прежних статей своих», «незадолго до

смерти» (Полн. собр. соч. В. Г. Белинского, изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, т. V, М., 1860, стр. 3, прим.).

В рукописи третьей и четвертой статей ясно различаются две поздние правки (которые Венгеров смешал в одну, назвав ее 5-й редакцией, см. выше, стр. 52). Одна из них сделана карандашом, другая, видимо, черной тушью, различно разведенной. Позднейшее происхождение этих правок явствует из того, что обе они не вошли в текст «Отечественных записок». Кроме того, почерк их значительно отличается от почерка 1-й редакции. То, что эти поправки произведены в разное время и что карандашная является более ранней, видно из их расположения: штрихи пером нанесены поверх карандашных.

Карандашная правка, принадлежащая Белинскому (4-я редакция), незначительна по своему объему и ограничивается несущественными изменениями основного текста; на этой стадии работы Белинский производит стилистические уточнения, добавляет примечания, подчеркивает некоторые слова и выражения основной редакции. Сюда же относится и карандашная нумерация некоторых листов рукой Белинского. Быть может, он же снимает и обозначения петита, сделанные Краевским, зачеркивает его отметки на полях и фамилии наборщиков.

Правка тушью (5-я редакция)[14] сделана мелким почерком тонким (стальным) пером. По своему объему она значительно больше предыдущей и отражает существенную переработку раннего текста. В остальном она идет в том же направлении, что и карандашная, во многих случаях подтверждая ее. С этой правкой связаны значительные сокращения (Белинский вырезает порой большие куски текста и выкидывает целые листы) и известные композиционные изменения (так, песня о Самкѐ Мушкете из четвертой статьи была перенесена в третью). Этим вызвано и появление вкладных листов и новая нумерация всех остальных.

Одной из особенностей этой редакции является большое количество поправок, состоящих в том, что «зачеркнуто слово ⟨основной редакции⟩, показавшееся не вполне разборчивым, а затем надписано то же самое слово, но более тщательно» («Семь статей В. Г. Белинского», стр. 159)[15]. Белинский имел все основания делать поправки такого рода, поскольку при наборе статей для «Отечественных записок» было допущено большое количество ошибок из-за нечеткости в рукописи. Это обстоятельство иногда очень явственно отражено в самих рукописях. В статье третьей, пересказывая былину о Добрыне Никитиче, Белинский написал, что Добрыня «грозится Змея ⟨Горыныча⟩ изрубить на мелкие части пирожные» (так и в сборнике Кирши Данилова). Однако в журнале, как отметил еще Венгеров (примеч. 406),— «почему-то» напечатано «...туловище». Это произошло потому, что первая половина слова «пирожные» в рукописи вполне может быть прочитана как «туло...» Учитывая это, Белинский, при позднейшей правке, написал на полях против этого места: «пиро— +» (л. р. 64).

В другом случае (в той же статье), в изложении былины о Соловье Будимировиче, Белинский вместо «у первого терема» ошибочно написал «у первого *дерева*». В тексте «Отечественных записок» ошибка исправлена, но в рукописи этого первоначального исправления нет. Неверное слово подчеркнуто чернилами (тонким пером) так, что черта переходит на полях в NB. Потом Белинский вновь подчеркнул это слово — уже карандашом. Наконец, в самой поздней редакции,— всё зачеркнул и написал сверху (тушью, пером) «терема» (л. р. 80).

Как видно из этих примеров, при подготовке текста для книги Белинский тщательно проверял его. Листы, имевшие, видимо, много исправлений, он переписывал заново (уже на другой бумаге). Однако и это ему показалось недостаточным. На полях л. 90 (ст. третья) рукой Белинского

сделана такая отметка (тонким пером): «NB для писца — [от] с начала строки». Следовательно, он предполагал предварительно отдать весь текст для переписки (Венг., прим. 442).

Другой особенностью позднейшей редакции является то, что Белинский обводит пером многие карандашные исправления и вставки Краевского. Это вызвано; очевидно, тем, что Белинский решил учесть и воспроизвести текст, уже апробированный в печати, во избежание новых исправлений.

Что касается изменений текста Белинским в «книжных» редакциях, то соответствующие варианты почти полностью приведены Венгеровым, а важнейшую их черту отметил еще Н. А. Некрасов, считавший переделку четырех рукописных листов «замечательной особенно тем, что философское направление ⟨журнальных статей⟩ пременяется здесь в историческое» («Записки отдела рукописей Гос. биб-ки СССР им. В. И. Ленина», вып. 9, стр. 10).

В свете указанной эволюции Белинского любопытно то обстоятельство, что в позднейшей редакции статей он уничтожает термины: «субстанциальнее», «субстанциальность», зачеркивая первый из них (ст. четвертая, л. р. 7) и заменяя второй словами «существенность» (ст. третья, л. р. 91) и «значительность» (ст. четвертая, л. р. 54). Замененные здесь словечки, характерные для гегельянской философии, многократно употреблены Белинским, например, в статье 1841 г. «Разделение поэзии на роды и виды». Впоследствии, освободившись от увлечения гегельянством, Белинский стал избегать и этих терминов. Он едко высмеял их (в применении к гегельянцу Рётшеру) в письме к В. П. Боткину от 3 апреля 1843 г. (см. «Письма», II, 358). Со стилистической точки зрения интересно, что в позднейшей редакции Белинский уничтожает в двух местах связку «есть» (ранее довольно часто им употреблявшуюся) и заменяет слово «апогей» выражениями: «высшей степенью своего совершенства» и «крайней степенью высоты».

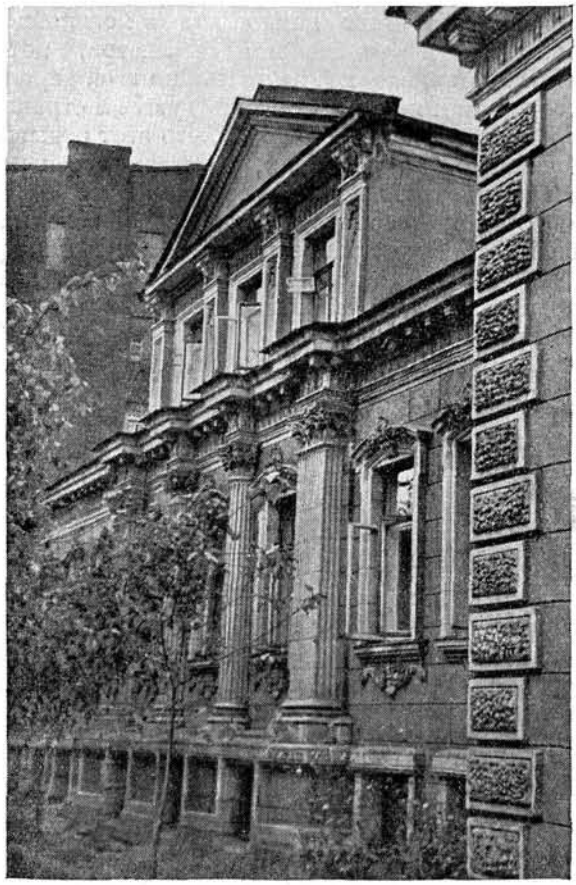
Из вариантов 5-й редакции, не отмеченных Венгеровым, можно привести следующий. Развивая положение о том, что феодализм возник путем завоевания одного племени другим (стр. 611), Белинский говорит, что покоренное племя «образовывало массу народа—плебеев [*и пролет*⟨ариев⟩]...» (ст. третья, л. р. 23). Мысль о пролетариате, промелькнувшая в этой связи у Белинского,— весьма знаменательна.

6-я редакция (публикация Н. Х. Кетчера)

В «Реестре бумагам, оставшимся после Белинского», составленном для Н. Х. Кетчера Некрасовым, последний упомянул, в числе уцелевших рукописей, рукописи всех четырех статей о народной поэзии, заметив при этом, что «в третьей статье не достает конца»; по его словам, первая и вторая статьи были «перебеленные и совсем приготовленные к печати, за исключением конца второй, журнальной, смысл которой должен был измениться». В этих же бумагах Белинского имелись и «черновые ⟨рукописи⟩ обеих статей» («Записки отдела рукописей...», вып. 9, стр. 10). Все четыре статьи были опубликованы Кетчером в Полн. собр. соч. В. Г. Белинского, изд. Солдатенкова и Щепкина, т. V, М., 1860. Однако Кетчер, имевший в своем распоряжении все рукописи, использовал их — по справедливому замечанию Ефремова и Якушкина — «не вполне» («Семь статей В. Г. Белинского», стр. VI). Сопоставляя текст издания Солдатенкова с рукописью третьей и четвертой статей, можно убедиться, что Кетчер, восстановивший по рукописи некоторые места, вычеркнутые из журнального текста, не придерживался в своей публикации какого-либо определенного принципа, но эклектически сочетал элементы всех

ДОМ № 6 НА УЛИЦЕ ЩУКИНА (БЫВШИЙ ЛЕВШИНСКИЙ ПЕРЕУЛОК) В МОСКВЕ. ЗДЕСЬ В КОНЦЕ 1834 г. У А. М. ПОЛТОРАЦКОГО ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

Фотография А. А. Сергеева, 1949 г.



предшествующих редакций. Наряду с этим, Кетчер произвольно изымал отдельные части текста, очевидно, казавшиеся ему несущественными. Кроме того, он опустил и некоторые подстрочные примечания Белинского, а оставленные включил непосредственно в текст (в скобках). Многие подчеркивания слов (даже из имеющихся в журнальном тексте) не были им приняты во внимание.

Характерной особенностью кетчеровской редакции является то, что в четвертую статью включен большой отрывок о русских сказках (стр. 204—227), отсутствующий в дошедшей до нас рукописи. Однако в ней остались следы этого исчезнувшего отрывка.

Фраза, с которой начинается 45-й лист рукописи («Теперь мы, сообразно плану нашей статьи, должны перейти к песням историческим...»), принадлежащая к 1-й (основной) редакции, зачеркнута в позднейшей правке (тушью) и заменена следующей: «От поэм *и сказок* самый естественный переход к историческим песням...» Эта же формулировка имеется и в издании Солдатенкова, где она следует сразу же после указанного отрывка о сказках (стр. 227). В то же время предыдущий, 44-й, лист рукописи заканчивается теми же словами, после которых в издании Солдатенкова помещен этот отрывок. Первоначальный (соответствующий основной редакции) номер 45-го листа — «46» переправлен тушью на «45», потом все это Белинским зачеркнуто и рядом поставлен новый номер — «59» (эта новая нумерация продолжена и на последующих листах, почти до самого конца рукописи).

Из всего этого видно, что в позднейшей редакции в рукопись было включено дополнительно 14 листов, которые, видимо, и содержали отрывок о сказках (эти листы, по всей вероятности, были исписаны с двух сторон, так как они соответствуют 22 страницам печатного текста, частично набранного петитом). То, что этот отрывок принадлежал к позднейшей (очевидно, 5-й) редакции, подтверждается и тем, что он полностью отсутствует в журнальном тексте.

Вторая особенность кетчеровской редакции — та, что, согласно позднейшей авторской правке, песня о Самкѐ Мушкете перенесена в третью статью.

В издании Солдатенкова отсутствуют комментарии, варианты не приводятся. Кетчер ограничился лишь кратким подстрочным примечанием общего характера.

Текст этого издания в значительной мере воспроизводит ошибки и опечатки журнальной редакции.

7-я редакция (публикация С. А. Венгерова)

Рукописи третьей и четвертой статей о народной поэзии оказались в числе тех, которые от наследников Кетчера попали к букинисту Толченову, а у последнего были приобретены бр. Солдатенковыми и затем переданы в Отдел рукописей Румянцевского музея (Венг., прим. 321). Ефремов и Якушкин, не успев подготовить эти рукописи для юбилейного издания 1898 г., решили «отложить до времени» их опубликование. К тому времени рукописи первой и второй статей были уже утрачены. Через пять лет после этого тексты третьей и четвертой статей были напечатаны с рукописи С. А. Венгеровым в VI томе Полн. собр. соч. В. Г. Белинского, с примечаниями, воспроизводившими многие (но далеко не все) варианты различных редакций. В разграничении последних отсутствовала, однако, необходимая четкость и определенность. Ряд исправлений (прим. 323б, 324, 344в, 422, 474 и др.) приведен без указания на их принадлежность Краевскому. В отличие от Кетчера, Венгеров придерживался, по его словам (прим. 345), «1-й редакции»; однако венгеровский текст третьей и четвертой статей является почти таким же компилятивным (по отношению к рукописным и печатным редакциям), как и кетчеровский, а венгеровский текст первой и второй статей сочетает элементы журнальной и кетчеровской редакций.

Венгеров крайне небрежно отнесся к рукописным и предшествовавшим печатным текстам и не только повторил множество их ошибок, но и допустил ряд новых. Он совершенно опустил отрывок о сказках (в четвертой статье; см. выше), даже не упомянул о нем и указал лишь на композиционную «перетасовку» в издании Солдатенкова (Венг., VI, прим. 516). Восстанавливая цензурные изъятия (не воспроизведенные Кетчером), Венгеров в то же время пропустил ряд слов и фраз, имеющихся в издании Солдатенкова; из таких случаев заслуживает внимания следующий. В четвертой статье Белинский, говоря о древнем Новгороде, утверждает, что там «мужикам» не из-за чего было враждовать с боярами и дворянами, так как «при равенстве прав *или совершенном отсутствии прав* с той и другой стороны, и при равенстве образования, или при совершенном отсутствии всякого образования с той и другой стороны, там только бедный мог завидовать богатому, а не мужик дворянину, ибо там и мужик мог быть богаче боярина и потому больше его иметь весу на вольном вече». Выделенные нами слова отсутствуют в журнальном тексте и у Венгерова, но имеются в рукописи (л. 14) и в издании Солдатенкова.

Анализ рукописей и печатных текстов третьей и четвертой статей Белинского о народной поэзии и публикаций всех четырех статей позволяет сделать следующие выводы:

1. Подлинный текст третьей и четвертой статей во многом отличается от печатного.

2. Ряд высказываний Белинского, имеющихся в рукописном (и в печатном, воспроизведенном с рукописи) тексте статей о народной поэзии, но до сих пор не учитывавшихся, свидетельствует о том, что настроения социального протеста, владевшие Белинским во время написания этих статей (осень 1841 г.), были гораздо более сильными и глубокими, чем их принято считать для этого периода его идейного развития.

3. Белинский пользовался каждым удобным случаем (не только при теоретических обобщениях, но и при пересказе тех или иных произведений народной поэзии) для обличительных замечаний, исполненных гневного пафоса или острого сарказма, по адресу самодержавно-помещичьего строя.

4. Высказывания подобного характера (так же как смелые и оригинальные мысли, касающиеся, например, отечественной истории) тщательно вытравливались из этих статей во время двойного контроля (Краевского и цензуры), которому они подвергались.

5. Правка Краевского, помимо этого, вносила (путем различных оговорок) во многие формулировки статей нерешительность, уклончивость, расплывчатость, чуждые Белинскому.

6. Подлинный текст третьей и четвертой статей в стилистическом отношении значительно богаче и ярче печатного. В то время как Белинский стремился сделать свое изложение живым и образным, широко используя элементы разговорного языка и народной поэзии и воспроизводя речевые особенности разбираемых им произведений,— Краевский всячески приглаживал авторский текст, обедняя и обесцвечивая его язык.

7. Наконец, непонятные выражения (главным образом в фольклорных цитатах) и бо́льшую часть стилистических шероховатостей в печатном тексте третьей и четвертой статей следует отнести за счет плохого качества корректуры в «Отечественных записках» и небрежной подготовки текста последующих изданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. их описание в кн. «Рукописи и переписка В. Г. Белинского. Каталог». Сост. Р. П. Маторина. М., 1948, стр. 9.

[2] Впервые публикуемый текст Белинского во всех случаях печатаем *курсивом*.

[3] Мы пользуемся самой поздней (не принадлежащей Белинскому) порядковой нумерацией листов.

[4] Для облегчения ориентировки в приведенных цитатах мы в ряде случаев указываем в скобках соответственные страницы по VI тому Полн. собр. соч. В. Г. Белинского под ред. С. А. Венгерова. Страницы других изданий каждый раз специально оговариваются.

[5] Слова, подчеркнутые самим Белинским, в *курсиве* выделяются *разрядкой*

[6] Вставки, не принадлежащие Белинскому, везде обозначаем прямой разрядкой.

[7] Слова, заключенные здесь в квадратные скобки, зачеркнуты самим Белинским.

[8] Третью редакцию Ефремов и Якушкин определили, как «печатный текст журнала с изменениями и сокращениями, сделанными цензурою» («Семь статей В. Г. Белинского», стр. VI).

[9] В нижеследующем отрывке мы, чтобы не загромождать текст, не воспроизводим слов, зачеркнутых самим Белинским, которые являются несущественными стилистическими вариантами.

[10] В квадратные скобки заключены журнальные изъятия, восстановленные Венгеровым (т. VI, прим. 385, 387, 388); *курсивом* выделены слова, имеющиеся в рукописи, но измененные или выброшенные уже в корректурных листах; *курсивом в квадратных скобках* обозначены слова, зачеркнутые в рукописи карандашом (Краевским?), а потом

(в позднейшей, «книжной» редакции статей) — и тушью (самим Белинским); разрядкой — карандашные вставки.

[11] Это — те самые «слов 8, которые, — как говорит Венгеров, — трудно разобрать» (т. VI, прим. 386).

[12] Белинский благоприятно оценил книги Сахарова с опубликованными в них «Молениями Даниила Заточника» и рядом других памятников, но разбор Белинским произведений народной поэзии многими своими сторонами противопоставлен Сахарову и другим собирателям, идеализация которыми национальной «старины» имела реакционный характер.

[13] См. в «Лит. наследстве», т. 57, сообщение Л. Ланского: «К критике первопечатных текстов сочинений Белинского», в котором приведен ряд искажений, вкравшихся в текст сочинений Белинского вследствие неряшливой корректуры «Отечественных записок».

[14] Правка тушью (судя по размеру и характеру почерка) сделана в несколько приемов, но хронологическое разграничение ее вряд ли возможно.

[15] Редакторы юбилейного издания отметили аналогичную особенность в рукописи статьи «Взгляд на русскую литературу 1846 года» («Семь статей В. Г. Белинского», стр. 159).

О РЕЦЕНЗИИ НА «ОДЕССКИЙ АЛЬМАНАХ»

Сообщение Леонида Каплана

В 3-й книжке «Отечественных записок» за 1840 г. (ц. р. 14 марта) была напечатана рецензия Белинского на «Одесский альманах». Рецензия на этот же альманах, помещенная почти одновременно в «Литературной газете» (1840, № 23 от 20 марта), принадлежит М. Н. Каткову. Она подверглась значительной редакционной переработке, что вызвало припадок раздражения у обидчивого и самолюбивого Каткова, повидимому, убежденного, вследствие характера изменений, внесенных в статью, что ее переделал Белинский. По этому поводу Белинский 16 апреля 1840 г. писал В. П. Боткину: «Краевский прочел мне письмо Каткова к себе, в котором сей неистовый юноша горько жалуется на чью-то руку, исказившую его экстатическую статейку о... „Одесском альманахе", хотя он и знает, что эта чья-то рука не чья иная, как Краевского» («Письма», II, 114). В публикуемом в настоящем томе письме от 12 апреля 1840 г. (стр. 139) Краевский спешит объяснить Каткову причину переработки рецензии и берет на себя вину за бесцеремонное изменение замысла автора.

То обстоятельство, что при переработке рецензии, как это засвидетельствовал Краевский, ставилось целью намеренное ее сближение с отзывом Белинского, само по себе придает рецензии немалый интерес. Еще больший интерес вызывают результаты сличения обеих рецензий, невольно рождающие подозрение, что, несмотря на категорические заверения и Краевского и Белинского, рецензия на «Одесский альманах» была переделана — и переделана радикально — не кем иным, как Белинским, намеренно затушевавшим свою роль вследствие крайне напряженных своих отношений с Катковым.

Особенно любопытна та часть рецензии, в которой заключается отзыв о двух стихотворениях Лермонтова —«Узник» и «Ангел», помещенных в альманахе. Белинский в рецензии на «Одесский альманах» дал этим стихотворениям чрезвычайно суровую оценку, заметив, что эти стихи «вероятно, принадлежат к самым первым опытам» Лермонтова и «нам, понимающим и ценящим его поэтический талант, приятно думать, что они не войдут в собрание его сочинений» (V, 225—226).

Пренебрежительный отзыв Белинского об «Ангеле», действительно кажущийся весьма несправедливым, настолько поразил редактора Полного собрания сочинений Белинского С. А. Венгерова, что он в примечаниях возмущенно восклицает: «Промах, о котором сейчас будет речь, производит ошеломляющее впечатление, и место ему разве в критическом формуляре какого-нибудь Шевырева ⟨...⟩ „Ангел", одно из самых глубоких стихотворений Лермонтова ⟨...⟩, в котором выражена вся беспредельность его тоски и вся безвыходность его порываний — поднять руку на этот вопль души поэта можно было только в момент какого-то эстетического затмения» (V, 561).

В самом деле, это беглое порицание прекрасного стихотворения Лермонтова вполне может показаться несправедливым и ошибочным, одним из редких «промахов» Белинского.

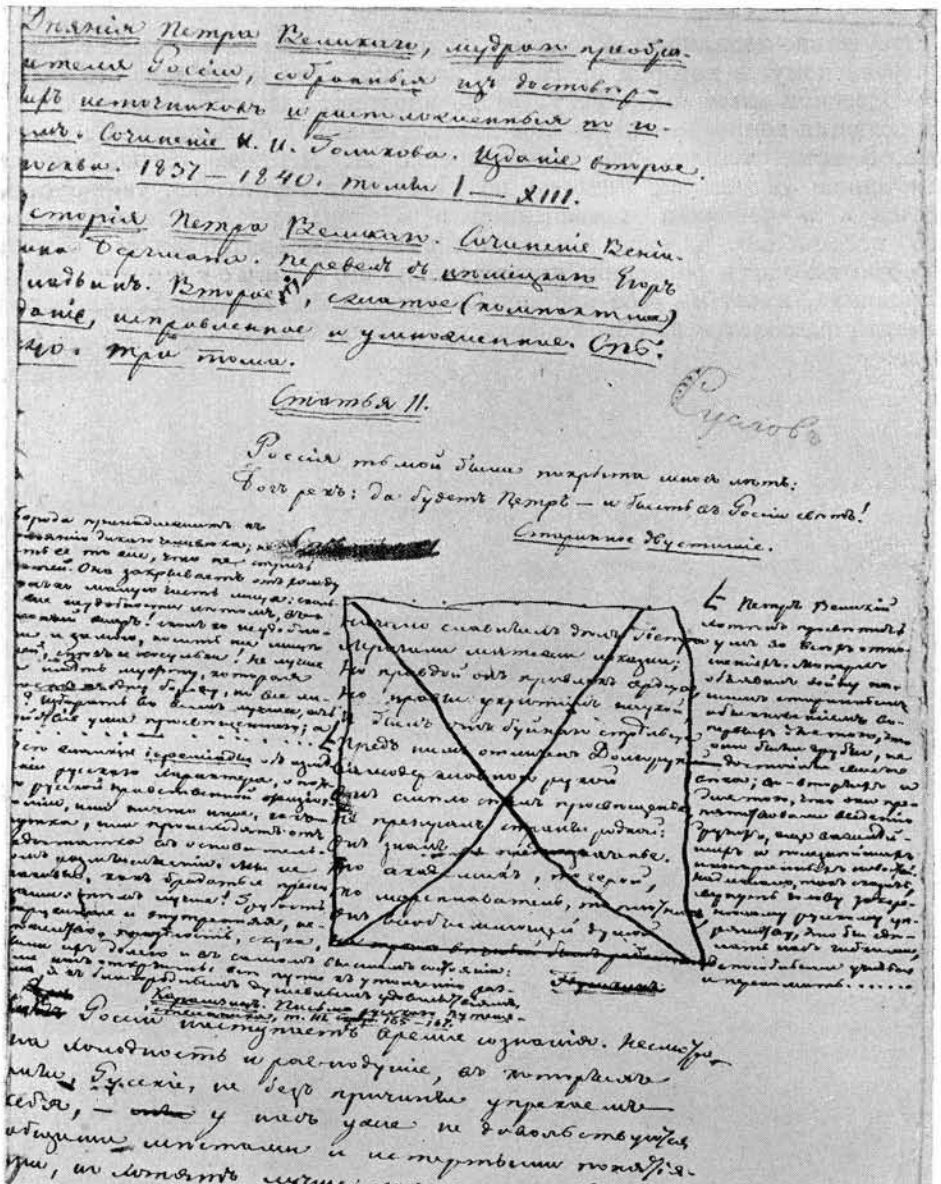
Обратившись к рецензии на альманах, помещенной в «Литературной газете», мы неожиданно находим развернутое и чрезвычайно убедительное обоснование взгляда Белинского на «Ангел» Лермонтова: «Два стихотворения г. Лермонтова были прочтены нами с жадностию, как и все, что̀ выходит из-под пера этого поэта. Многого, многого ждем мы от этого могущественного таланта; одни из самых лучших, блистательных надежд возложили мы на него... Дай бог, чтобы он осуществил их все...» Дав благожелательный отзыв о стихотворении «Узник», рецензент продолжает: «Стихотворение „Ангел“ менее удовлетворяет нашему эстетическому чувству. В самом содержании его какая-то неопределенность, какая-то антипоэтическая туманность, так что даже самый талант Лермонтова не мог придать ему жизни. Ангел летит и несет в своих объятиях душу; в полете своем он поет песни о блаженной райской жизни:

И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.

И после скучные песни земли не могли уже заменить ей звуков небес. Может быть, в связи с другими стихотворениями, в целом лирическом цикле, оно получит более глубокое значение и иначе отзовется, но само по себе, как уж и сказали мы, оно не удовлетворяет нас. Вообще мы желали бы,— если позволено нам это желание, чтобы талант Лермонтова чуждался всего аллегорического, безжизненной области, населенной символическими демонами, двусмысленными пери и пр.».

Это высказывание, обращенное не столько к читателям, сколько к самому Лермонтову, талант которого критик старается уберечь от мистицизма и символики, никак не могло принадлежать Каткову. Взгляды Каткова на поэзию рельефно высказаны в одновременно писавшейся и получившей большую известность статье его о «Стихотворениях Сарры Толстой». Катков следующим образом характеризовал в этой статье зарождение истинной, по его мнению, поэзии: «Перспектива душевного зрения объята туманом, и в тумане мелькает что-то невыразимо очаровательное, мучительно ласкающее душу. Внешнее и определенное исчезло в мистических внутренних звуках, и нет более черты между действительностию и возможностию ⟨...⟩ В этой душевной поэзии заключается лучшая прелесть жизни, ее музыка, ее чарующее благоухание; без нее жизнь была бы подобна душной тюрьме, лишенной света и воздуха. Как бы ни было хорошо и полезно действие воли, оно мертво и сухо, если при его рождении не звучали в глубине мистические струны, и ни одна высокая мысль, ни одна истина не пустит в нас живых корней, если входит в нас без всякого внутреннего призыва» («Отеч. записки», 1840, X, отд. V, стр. 15—16).

Эта точка зрения на поэзию совершенно противоположна высказанной в рецензии на «Одесский альманах» по поводу стихотворений Лермонтова. Таким убежденным сторонником реалистических тенденций в литературе мог быть только Белинский, который, по выражению И. И. Панаева, «не терпел и преследовал все мистическое». Можно с уверенностью сказать, что не Краевский, отличавшийся отсутствием собственного мнения в вопросах искусства, мог взять на себя роль воспитателя Лермонтова в области эстетики и указать ему на гибельность для его таланта мистических настроений. Даже если предположить, что приведенное выше обращение к Лермонтову было вписано в рецензию рукой самого Краевского, оно, тем не менее, явилось бы не чем иным, как развитием мысли Белинского, несомненно излагавшейся критиком устно.



АВТОГРАФ ВТОРОЙ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО «ДЕЯНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО МУДРОГО ПРЕОБРАЗИТЕЛЯ РОССИИ...», 1841 г.

ЛИСТ ПЕРВЫЙ

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Отсутствие подлинной рукописи рецензии, так же как и письма Каткова к Краевскому, в котором он горько жаловался на искажение его статьи об «Одесском альманахе», разумеется, оставляет нас далекими от полного разрешения вопроса — какие еще изменения могли быть внесены в рецензию. Заметим только, что стихотворение А. Майкова «Сон», впервые замеченное Белинским (чем он не переставал гордиться), также отмечается и в рецензии, помещенной в «Литературной газете», оценка его, несомненно, внесена Белинским или заимствована из его отзыва. Вообще же часть рецензии, посвященная поэтическому отделу альманаха, имеет на себе явственные признаки авторства Белинского и заметно выделяется из общего фона «экстатической статейки» М. Н. Каткова.